
ФЕОФРАСТ
ХАРАКТЕРЫ

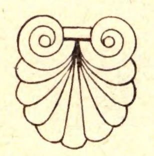
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Литературные Памятники

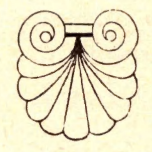
ΘΕΟΦΡΑΣΤΟΥ

ΧΑΡΑΚΤΗΡΕΣ

ФЕОФРАСТ

ХАРАКТЕРЫ

ПЕРЕВОД, СТАТЬЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
Г. А. СТРАТАНОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
Ленинград
1974

Ответственный редактор
Я. М. Боровский

Ф $\frac{70304\text{-}532}{042(02)\text{-}74}$ 302-74

ХАРАКТЕРЫ

I. Ирония

(1) Ирония[1] в широком смысле — это притворство, связанное с самоумалением в действиях и речах, а ироник — вот какой человек. (2) Придя к своим недругам, он готов болтать с ними, показывая вид, будто вовсе не питает к ним неприязни.[2] В глаза он расхваливает тех, на кого исподтишка нападает, и изъявляет соболезнование, если те проиграли тяжбу. Он даже оправдывает тех, кто дурно отзывается о нем и обвиняет его. (3) С людьми обиженными и раздраженными разговаривает спокойно, а если кто настойчиво добивается встречи с ним, велит прийти позднее. (4) О своих делах ничего не рассказывает: говорит, что только обдумывает и ничего еще не решил, делает вид, будто только что пришел, что уже поздно, что ему нездоровится.[3] (5) Если кто просит у него денег в долг или собирает складчину[4] [...][5] и если он несет что-нибудь на рынок, то говорит, что не продает, а если не продает, то, наоборот, объявляет, что продает; что бы ни услышал, притворяется, что ничего не слышал, увидел —

говорит, что ничего не видал; договорившись о чем-нибудь, заявляет, что не помнит; то говорит, что еще поразмыслит, то — что еще не знает; то — что удивлен услышанным, то — что и сам уже так рассудил. (6) Обычно он выражается в таком роде: «Не могу поверить», «Этого я не постигаю», «Я поражен». Или же: «Ты говоришь словно о другом человеке: мне он рассказывал совсем не то», «Это мне странно», «Рассказывай кому-нибудь другому», «Теряюсь: тебе ли не верить или его обвинять?», «Подумай все же: не слишком ли ты легковерен?».[6]

II. Льстивость

(1) Лесть можно определить как недостойное обхождение, выгодное льстецу.[1] А льстец вот какой человек. (2) Идя с кем-либо, он говорит спутнику:[2] «Обрати внимание, как все глядят на тебя и дивятся. Ни на кого ведь в нашем городе не смотрят так, как на тебя! Вчера тебя расхваливали под Портиком.[3] А там ведь сидело больше тридцати человек. И когда речь зашла о том, кто самый благородный, то все (и я прежде всего) сошлись на твоем имени». (3) Продолжая в таком духе, льстец снимает пушинки[4] с его плаща и если тому в бороду от ветра попала соломинка, то вытаскивает ее и со смешком говорит: «Смотри-ка! Два дня мы с тобой не видались, а уже в бороде у тебя полно седых волос, хотя для твоих

лет у тебя волос черен, как ни у кого другого». (4) Стоит только спутнику открыть рот, как льстец велит всем остальным замолчать, и если тот поет, то расхваливает, а по окончании песни кричит: «Браво!». А если спутник отпустит плоскую шутку, льстец смеется, затыкая рот плащом, как будто и в самом деле не может удержаться от смеха. (5) Встречным он велит остановиться и ждать, пока «сам» не пройдет. (6) Накупив яблок и груш, он угощает детей на глазах отца и целует их со словами: «Славного отца птенцы».[5] (7) Покупая вместе с ним сапоги,[6] льстец замечает: «Твоя нога гораздо изящнее этой обуви». (8) Когда тот отправляется навестить кого-нибудь из друзей, он забегает вперед со словами: «К тебе идут!», а затем, возвратившись, объявляет: «Я уже известил о твоем приходе». (9) Мало того, он способен даже, не переводя духа, таскать покупки с женского рынка.[7] (10) Первым из гостей он расхваливает хозяйское вино и приговаривает: «Да и в еде ты знаешь толк!». Затем, попробовав что-нибудь со стола, повторяет: «Что за славный кусочек!». Пристает к хозяину с вопросами: не холодно ли ему, не накинуть ли на него что-нибудь и — не дожидаясь ответа — закутывает его. С хозяином льстец шепчется, а во время разговора с другими оглядывается на него. (11) В театре льстец сам подкладывает ему подушку, отняв ее у раба. (12). И дом-то его, по словам льстеца, прекрасно построен, и земельный участок отлично обработан, и портрет похож.[8]

III. Пустословие

(1) Пустословие — это пристрастие к докучливо длинным и необдуманным речам. Вот какой человек пустослов.[1] (2) Усаживаясь рядом с незнакомцем, он принимается расхваливать собственную жену. Потом рассказывает, какой сон приснился ему прошлой ночью, затем подробно перечисляет блюда, которые ел за обедом. (3) Дальше — больше. Он заводит речь о том, что люди ныне пошли гораздо хуже прежних, а пшеница на рынке дешева, и как много понаехало иностранцев, и море уже с Дионисий[2] снова судоходно; а если Зевс пошлет побольше дождя, то и хлеба поправятся и через год он возделает поле; и как жизнь-то стала тяжела, и что Дамипп[3] поставил самый большой факел на мистериях,[4] и сколько колонн в Одеоне,[5] и что «вчера меня стошнило», и «какой сегодня день», и что в боэдромионе бывают мистерии, в пианепсионе — Апатурии,[6] а в посидеоне — Сельские Дионисии.[7] (4) И если терпеть его пустословие, то он так и не оставит в покое.[8]

IV. Неотесанность

(1) Деревенскую неотесанность можно, пожалуй, определить как невоспитанность, связанную с непристойностью.[1] А неотесанный вот какой человек. (2) Напившись кикеона,[2] он отправляется в народное собрание и [...] (3)

заявляет, что мирра[3] издает запах не лучше дикой мяты. (4) Сапоги носит непомерно большие (5) и говорит зычным голосом;[4] (6) друзьям и родственникам не доверяет, с рабами же, напротив, советуется по самым важным делам; поденщикам, работающим на его поле, пересказывает все, что происходило в народном собрании. (7) Садится он, задрав плащ выше колен, так что видна его нагота. (8) На улицах города ничто его не удивляет и не поражает, и только когда увидит быка, осла или козла, то останавливается и внимательно разглядывает. (9) Доставая что-нибудь из кладовой, он тут же наестся и хлебнет неразбавленного вина. (10) Пекарку он сначала украдкой притиснет, а затем намелет с ней муку для всех домашних и для себя. (11) Завтракает на ходу, задавая корм скотине. (12) На стук сам отворяет входную дверь, а затем, подозвав собаку, треплет ее по морде приговаривая: «Вот кто охраняет мою усадьбу и дом!». (13) Получая от кого-нибудь монету, говорит, что она слишком истерта, требует взамен другую. (14) Если ему пришлось одолжить кому-нибудь плуг, корзину, серп или мешок, то он встает ночью и требует вещи назад, так как воспоминание о них не дает ему заснуть. (15) Когда же спускается в город, то спрашивает первого встречного, почем овчины и соленая рыба [...].[5] Празднует новолуние и объявляет затем, что в городе хочет постричься и мимоходом забрать от Архия[6] соленую рыбу. (16) В бане он поет (17) и сапоги подбивает гвоздями.

V. Угодливость[1]

(1) Угодливость, если определить ее точнее, — это неуклюжее стремление во что бы то ни стало вызвать чувство удовольствия. А угодливый вот какой человек. (2) Он уже издали приветствует встречного, величает его «почтеннейшим» и рассыпается в любезностях; схватив крепко, держит обеими руками и не отпускает. Потом, немного проводив, спрашивает, когда снова его увидит, и, наконец, удаляется с новыми излияниями чувств. (3) Приглашенный в третейские судьи,[2] он старается угодить обеим сторонам, чтобы казаться беспристрастным. (4) И иностранцам он твердит, что они-де судят справедливее его сограждан. (5) Придя в гости на обед, он просит пригласить к столу также и хозяйских детей и при их появлении заявляет, что они, как две фиги, похожи на отца.[3] Затем привлекает детей к себе, целует и усаживает рядом. С одними он сам начинает играть, приговаривая: «Мешок, топор»,[4] другим позволяет валяться у себя на брюхе, как бы они при этом ни давили на него.[5] (6) Волосы свои то и дело подстригает, зубы у него всегда белые, еще непоношенную верхнюю одежду меняет, натирается благовониями.[6] (7) На рынке он зачастую подходит к столам менял, из гимнасиев бывает только в тех, где упражняются эфебы.[7] В театре во время представления сидит рядом со стратегами.[8] (8) На рынке для себя ничего не покупает, но отправляет посылки своим гостеприимцам в Византий, лаконских псов[9] — в Ки-

зик и мед с Гиметта[10] — на Родос; и об этом он трубит по всему городу. (9) Щеголяет он и тем, что держит дома обезьяну, купит титира, сицилийских голубей,[11] газельи бабки,[12] пузатые фурийские лекифы,[13] гнутые лаконские посохи,[14] полог[15] с вытканными на нем фигурами персов. Есть у него также маленький усыпанный песком дворик для гимнастических упражнений и площадка для игры в мяч. (10) И он обходит город, предлагая свою площадку для выступлений софистам,[16] мастерам фехтования и музыкантам. Сам же приходит последним, чтобы кто-нибудь из собравшихся сказал: «Вот хозяин палестры».[17]

VI. Отчаянность

(1) Отчаянность — это приверженность к постыдным деяниям и речам,[1] отчаянный же вот какой человек: (2) он легко приносит клятву, безразличен к дурной славе, за бранью не постоит. По своей натуре он, можно сказать, рыночный завсегдатай, распоясавшийся, на все способный. (3) Он готов даже в трезвом виде отплясывать кордак и без маски выступать в комосе.[2] (4) На представлениях фокусников он собирает за вход медяки, переходя от одного зрителя к другому, и бранится с тем, кто предъявляет использованные билеты, желая смотреть представление даром.[3] (5) Он не прочь сделаться кабатчиком, сводником или сборщиком пошлин и не гнушается никаким позорным

ремеслом, может стать даже глашатаем, поваром [4] или игроком в кости. (6) Родную мать не кормит; его хватают и сажают в тюрьму за воровство, и в тюрьме он проводит больше времени, чем у себя дома. (7) Он из тех людей, которые собирают вокруг себя толпу: охрипшим голосом и надрываясь от крика обращается он к встречным с руганью и разглагольствованиями, одни подходят, другие уходят, не дослушав его; одним он успевает рассказать только начало, другим конец,[5] третьим какую-то часть истории. Лучшей обстановкой для того, чтобы выказать свою отчаянность, он считает всенародное празднество.[6] (8) Этот человек способен также вести по нескольку тяжеб, то как ответчик, то как истец; то он под клятвой уклонится от явки,[7] то явится с «ежом» [8] за пазухой и со связкой документов в руках. (9) Не прочь он также верховодить толпой рыночных бродяг-перекупщиков, ссужать им деньги под проценты (причем требует за драхму полтора обола в день), да к тому же еще обходить харчевни, лавки со свежей и соленой рыбой и собирать за щеку проценты со своих делишек.[9]

VII. Болтливость

(1) Болтливость — если угодно дать ей определение — это, скажем, невоздержность в речи, а болтун вот какой человек. (2) Первому встречному в ответ на каждое слово он твердит, что все это глупости, а он, мол, сам все лучше

знает, и кто его выслушает — убедится в этом. И пока собеседник отвечает, болтун перебивает его такими словами: «Не забудь здесь еще об этом сказать», «Хорошо, что ты мне напомнил», и «Вот как полезно бывает поболтать», и «Это у меня ускользнуло из памяти», и «Быстро же ты сообразил, в чем дело!», и «Я давно уже ждал: придешь ли ты к тому же выводу, что и я». Он придумывает затем и другие выражения в таком же роде, так что встречный не успевает и передохнуть. (3) И потом, истощив терпенье всех прохожих поодиночке, он способен взяться также и за людей, занятых разговором о делах, и обратить их в бегство. (4) Он заходит в школы[1] и палестры,[2] мешает детям учиться, занимая долгой болтовней преподавателей гимнастики и учителей. (5) И если собеседник скажет, что торопится домой, то болтун готов даже идти за ним следом и проводить до дому. (6) И на вопрос, что нового в народном собрании, он расскажет еще и о знаменитом состязании ораторов при архонте Аристофонте [...] о битве лакедемонян во главе с Лисандром [...],[3] и о том, какие речи сам он с большим успехом держал в народном собрании; вместе с тем в свой рассказ он вставляет обвинения против толпы, так что слушатели или забывают, о чем речь, или впадают в дремоту, или даже в середине речи уходят. (7) Участвуя в суде, болтун мешает другим судьям выносить решения, в театре — соседям смотреть пьесу, за столом не дает сотрапезникам есть. Он признается, что молчать болтуну — мученье и что язык

у него без костей:[4] он не перестанет трещать, даже если окажется болтливее ласточки. (8) Даже собственные дети смеются над ним: когда захотят спать, то просят его: «Папа, поболтай о чем-нибудь, чтобы мы поскорее уснули».

VIII. Вестовщичество[1]

(1) Вестовщичество — это измышление ложных историй и известий, которым вестовщик хочет придать веру, а вестовщик вот какой человек. (2) Встретив приятеля, он тотчас же с многозначительной улыбкой[2] спрашивает: «Откуда идешь?», «Что нового?», «Как обстоит это дело?», «Не расскажешь ли чего-нибудь?». И если тот озадачен, то вестовщик пристает дальше: «Не слыхать ли чего нового? Ведь в общем слухи недурны». (3) И затем, не дав ничего ответить, продолжает: «Да ты что, так-таки ничего и не слышал? Вот уж, надеюсь, я угощу тебя новостями!». (4) У него всегда в запасе или какой-нибудь солдат [...],[3] или раб Астия флейтиста, или Ликон подрядчик,[4] который непременно сам прибыл с поля битвы. От этого-то человека он, мол, и слышал новости. Правда, источники, на которые он ссылается, передавая свои истории, таковы, что их, пожалуй, не сыщешь. (5) А он, якобы с их слов, рассказывает, что Полиперхон и царь[5] одержали победу в сражении и Кассандр[6] в плену. (6) И если кто-нибудь возразит: «А ты этому веришь?», он ответит, что дело это верное: ведь об этом

уже трубят по всему городу, и слух этот все больше и больше распространяется, и все в один голос повторяют рассказ о том, что произошла страшная бойня. (7) Веским доказательством для него служат также выражения лиц наших правителей: «Посмотреть только, как вытянулись у всех физиономии». Затем, по его словам, удалось узнать, будто у них в доме скрывается вот уже пять дней некто прибывший из Македонии: он-то и знает все это. (8) Передавая далее все подробности, вестовщик совершенно натурально вздыхает, восклицая при этом: «Несчастный Кассандр! Бедняга! Подумать только: какие превратности судьбы! Напрасно, значит, ты достиг такого могущества».[7] [. . .] (9) И, наконец, говорит приятелю: «Об этом только ты один должен знать». А сам уже обегал весь город и рассказал об этих новостях.[8]

IX. Бессовестность

(1) Бессовестность, если ее определить, — это пренебрежение доброй славой ради постыдной корысти. А бессовестный вот какой человек. (2) Сперва он идет к тому, кого он успел уже раз обобрать, и занимает у него деньги. Потом [. . .] [1] (3) после жертвоприношения богам он обедает у другого,[2] а жертвенное мясо солит впрок. Позвав сопровождающего его слугу, он берет со стола куски мяса и хлеба и дает ему, говоря во всеуслышание: «Угощайся, Тибий».[3] (4) Когда идет покупать съестное, то

напоминает мяснику, что когда-то сделал ему одолжение, и, стоя у весов, обычно подбрасывает туда кусок мяса или хоть кость для похлебки. Если проделка сойдет, то он доволен, если же нет, то, стащив с прилавка бычьи потроха, со смехом убегает. (5) Купив своим гостям места в театре за их счет и не заплатив за себя, смотрит сам, а на следующий день приводит и своих сыновей, да еще с их дядькой.[4] (6) И если кто-нибудь сделал выгодную покупку на рынке, он требует часть уступить ему. (7) К соседу в чужой дом приходит занять ячменя, а иногда и соломы, да еще заставляет заимодавца все это приносить к себе. (8) В бане он может подойти к медному котлу с горячей водой, зачерпнуть воды[5] и, несмотря на окрики банщика, окатить себя с ног до головы со словами: «Готово!». А при выходе — сказать банщику: «Ничего ты с меня не получишь!».

X. Крохоборство[1]

(1) Крохоборство — это мелочное корыстолюбие, а крохобор вот какой человек. (2) Еще до истечения месячного срока он требует уплаты пол-обола процентов,[2] являясь на дом к должнику. (3) За обедом в складчину он считает, сколько кто выпил кубков, и реже всех сотрапезников совершает возлияния Артемиде.[3] (4) Он отказывается рассчитываться за покупки, сделанные для него кем-нибудь из приятелей по дешевке, говоря, что это ему лишнее. (5) Если

слуга разобьет горшок или миску, то крохобор взыскивает с него стоимость, вычитая из харчей. (6) Оброни только его жена медяк, он готов отодвинуть всю утварь, кровати и сундуки в доме и обшарить весь дощатый пол.[4] (7) Когда он что-нибудь продает, то заламывает такую цену, что покупателю нет смысла купить у него. (8) Никому он не позволит ни съесть фиги из его сада, ни пройти через его поле, ни поднять опадышей маслины или финика.[5] (9) Пограничные межевые камни он ежедневно осматривает: стоят ли они на своих местах. (10) Он готов также взыскивать с должника просроченные проценты, наложив арест на его имущество, и требовать даже проценты с процентов. (11) Когда приходится угощать своих земляков, он подает им мелко накрошенные куски мяса. (12) А если пойдет на рынок за покупками, то возвращается домой, ничего не купив.[6] (13) Жене своей не позволяет никому ссужать ни соли, ни фитиля для светильника, ни тмину, ни душицы[7] или жертвенного ячменя, ни венков,[8] ни муки для жертвенных лепешек,[9] но говорит, что по мелочам за год много потеряешь. (14) И вообще, у таких крохоборов, как известно, и денежные сундуки заплесневели, и ключи к ним ржавеют, а сами они носят плащи, не покрывающие бедер.[10] Они умащаются маслом из маленьких лекифов,[11] стригутся наголо и лишь в полдень надевают сандалии, а сукновалам велят не жалеть глины для плащей, чтобы плащ скоро не загрязнился.[12]

XI. Бесстыдство[1]

(1) Бесстыдство нетрудно определить: это явное и непристойное озорство, а бесстыдный вот какой человек. (2) Повстречавшись со свободными женщинами, он задирает плащ и показывает свой пол. (3) В театре он продолжает хлопать в ладоши, когда все остальные уже перестали, или же освистывает тех актеров, которых прочие зрители благосклонно принимают. И в то время, когда весь театр замолкает, он, запрокинув голову, начинает рыгать, чтобы заставить сидящих обернуться. (4) На рынке в часы самой оживленной торговли[2] он подходит к рядам, где торгуют орехами и миртовыми ягодами, останавливается и начинает лакомиться ими, отвлекая продавца болтовней. Едва знакомого человека он окликает по имени. (5) Видя, что люди куда-то спешат по делам, он останавливает их и просит подождать. (6) Когда кто-нибудь возвращается из суда, проиграв большую тяжбу, бесстыдный подходит и поздравляет неудачника. (7) Он сам покупает на рынке для себя съестное и нанимает флейтисток, затем показывает покупки (8) встречным и в шутку приглашает их на угощение. Остановившись около цирюльни или парфюмерной лавки, он объявляет, что у него сегодня выпивка.

XII. Бестактность[1]

(1) Бестактность — это неумение выбрать подходящий момент, причиняющее неприятность людям, с которыми общаешься, а бестактный вот какой человек. (2) К занятому человеку он приходит за советом (3) и врывается с толпой бражников в дом своей возлюбленной, когда та лежит в лихорадке. (4) К уже пострадавшему при поручительстве он обращается с просьбой быть его поручителем. (5) Когда предстоит выступать свидетелем, он является в суд уже по окончании дела. (6) На свадьбе начинает поносить женский пол. (7) Человека, который только что пришел домой усталый, он приглашает на прогулку. (8) Он способен к продавшему что-нибудь привести покупателя, который предлагает более высокую цену. (9) В собрании, когда все уже знают и поняли сущность дела, он встает и начинает рассказывать все сначала. (10) Он усердно предлагает свою помощь в деле, которое начавший его хотел бы прекратить. (11) За причитающимися ему процентами он является как раз после того, как его должник потратился на жертвоприношение. (12) Когда раба наказывают ударами бича, он стоит тут же и рассказывает кстати, как у него как-то один раб повесился после бичевания. (13) В третейском суде он старается поссорить стороны, желающие примириться. Пускаясь в пляс, тащит за собой соседа, который еще не пьян.[2]

XIII. Суетливость

(1) Суетливость мы определим, пожалуй, как излишнее усердие [1] в речах и действиях из добрых побуждений, а суетливый вот какой человек. (2) Он дает обещания, которые потом не может выполнить. (3) Если дело единодушно признано справедливым, он один выступает с возражениями, несостоятельность которых очевидна. (4) Слугу-виночерпия он заставляет смешивать вина больше, чем могут выпить гости. (5) Спорщиков, даже вовсе ему незнакомых, старается помирить. (6) Он обязательно поведет окольной тропинкой, сворачивая с дороги, а потом сам же не может разобрать, куда дальше идти. (7) В походе, подойдя к военачальнику, он осведомится, когда будет битва и какие приказания тот отдаст послезавтра. (8) К отцу он приходит предупредить, что мать уже спит в опочивальне. (9) Если врач запрещает давать больному вино, он все-таки дает, говоря, что хочет испытать, сильно напоив больного, не поправится ли тот. (10) На могильном памятнике женщины он напишет имена ее мужа, отца и матери и ее самой, и откуда эта женщина родом, да еще добавит, что все это были люди добрые.[2] (11) Собираясь принести клятву, он объявляет присутствующим: «Не впервой мне: ведь уже и раньше много раз я клялся».[3]

XIV. Тупоумие[1]

(1) Тупоумие — это душевная вялость, проявляющаяся в речах и поступках, а тупоумный вот какой человек. (2) Сосчитав счетными камешками[2] и подведя итог, он задает сидящему рядом вопрос: «Сколько же это получается?». (3) Вызванный в суд по иску, он в назначенный для разбирательства день по забывчивости отправляется в деревню. (4) На представлении в театре он засыпает и под конец остается один. (5) Объевшись за ужином, он встает ночью с постели, чтобы выйти на двор [. . .][3] и возвращается искусанный соседской собакой. (6) Запрячет какую-нибудь вещь, потом ищет и не может найти. (7) При вести о кончине какого-нибудь приятеля и получив приглашение на похороны, он с печальным лицом и слезами восклицает: «В добрый час!». (8) Получая долги, он приводит с собой свидетелей. (9) Зимой он бранится со своим рабом, зачем тот не купил на рынке огурцов. (10) Детей своих заставляет до изнеможения состязаться в борьбе и беге. (11) На полевых работах он самолично варит себе чечевицу, причем дважды кладет в горшок соли, так что кушанье становится несъедобным. (12) В дождь говорит: «Как ясно сияют звезды».[4] [. . .] (13) На вопрос: «Сколько покойников, по-твоему, вынесено за Могильные Ворота?»,[5] он отвечает: «Нам бы с тобой столько покойников».

XV. Грубость

(1) Грубость[1] — это резкость при обхождении, проявляющаяся в речах. Вот какой человек грубиян. (2) На вопрос: «Где такой-то», он заявляет: «Оставь меня в покое». (3) На приветствие он не отвечает. (4) А случись ему что-нибудь продавать, то не объявит, почем отдает, но спрашивает покупателей, что те дадут. (5) Людям, из уважения посылающим ему подарки к праздникам, он говорит, что вовсе, мол, не нуждается ни в каких подарках. (6) Он не принимает извинений, если прохожий нечаянно толкнет, заденет или наступит ему на ногу. (7) Предложи ему приятель складчину, он сначала скажет, что не даст денег, а потом принесет, приговаривая: «Плакали и эти мои денежки».[2] (8) Споткнувшись на улице о камень, он готов и этот камень осыпать проклятиями. (9) Долго ожидать кого-нибудь он терпеть не может, (10) и никогда не захочет ни спеть, ни продекламировать, ни сплясать.[3] (11) Он способен пренебречь даже и молитвой богам.[4]

XVI. Суеверие

(1) Суеверие[1] — это, конечно, страх перед божественной силой, а суеверный вот какой человек. (2) В день праздника Кувшинов,[2] омыв руки и окропив себя священной водой,[3] выходит из храма с лавровой веткой[4] во рту и так прогуливается целый день. (3) И если ласка[5]

перебежит дорогу, то подождет, пока кто-либо другой не перейдет или пока сам не перекинет три камня через дорогу.[6] (4) Увидев у себя дома змею, он призывает Сабазия, если эта змея — парей,[7] а если священная змея,[8] то тотчас же сооружает часовню герою. (5) Проходя мимо камней, помазанных елеем, что стоят на перекрестках,[9] он умащает их маслом из лекифа и, опустившись на колени, падает ниц и только затем уходит. (6) Если мышь прогрызет мучной мех, он идет к толкователю знамений и снов [10] за советом, как поступить. И если тот велит отдать мех в починку кожевнику, то не слушает и по возвращении совершает очистительный обряд. (7) То и дело он совершает очищения своего дома, потому, мол, что Геката [11] навела на него чары. (8) Если по дороге услышит крик совы, то не идет дальше, не воскликнув: «Со мной Афина владычица!».[12] (9) Могил он сторонится и не пойдет к покойнику или к роженице,[13] но скажет, что остерегается осквернения. (10) Каждый четвертый и двадцать четвертый день месяца [14] он поручает своим домочадцам подогреть вино, а сам уходит из дому купить миртовых ветвей, ладана, жертвенных лепешек и затем, возвратившись домой, целый день украшает венками своих Гермафродитов.[15] (11) И всякий раз, как увидит сон,[16] отправляется к снотолкователям, прорицателям и птицегадателям вопросить, какому богу или богине ему молиться. (12) Собираясь принять посвящение в таинства,[17] он каждый месяц [18] ходит к орфеотелестам [19] вместе с же-

ной (а если той недосуг, то с кормилицей) и детьми. (13) Если заметит человека из тех, что стоят на перекрестке, увенчанного венком из чеснока, то возвращается домой и, омывшись с ног до головы, велит затем позвать жриц, чтобы получить очищение морским луком или щенком. (14) Завидев помешанного или припадочного, он в ужасе плюет себе за пазуху.[20]

XVII. Ворчливость[1]

(1) Ворчливость — это недовольство некстати всем, что тебе предлагают, а ворчун вот какой человек. (2) Если приятель пошлет ему угощение с жертвенного стола,[2] то он скажет посланному: «Пожалел он мне своей похлебки и винишка, потому и не позвал на обед!». (3) А когда гетера целует его, он говорит: «Интересно, действительно ли ты меня сердечно любишь?». (4) И Зевсом он недоволен — не потому, что тот послал дождь, а потому, что послал позднее чем следовало. (5) Случись ему найти на дороге кошелек, он говорит: «А вот клада-то я никогда еще не находил!». (6) Купив после долгого торга с продавцом по сходной цене раба, он говорит: «Странно будет, если я за эту цену купил что-то стоящее». (7) А тому, кто приносит радостную весть: «Сын у тебя родился», отвечает: «Прибавь еще, что половина добра у меня пропала, и ты скажешь правду!». (8) Если случится выиграть тяжбу и получить все голоса судей, он еще упрекает составителя речи

за то, что тот пропустил много важных доводов.[3] (9) Если приятели предоставят ему в складчину дружеский заем[4] и кто-нибудь из них скажет: «На радость тебе», он ответит: «Чего это ради? Ведь мне придется каждому отдавать деньги, да, кроме того, еще и благодарить, словно мне оказали благодеяние».

XVIII. Недоверчивость

(1) Недоверчивость — это какая-то склонность подозревать всех в нечестности. А недоверчивый вот какой человек. (2) Отправив на рынок раба за съестным, он посылает за ним вслед другого, разузнать, почем тот покупал. (3) В дороге даже сам несет свои деньги и через каждый стадий присаживается и пересчитывает их. (4) Лежа в постели, спрашивает жену, заперла ли она денежный сундук и запечатала ли шкаф с серебряной посудой,[1] заложила ли на большой засов дверь во двор; и даже если жена подтвердит все это, он вскакивает нагишом[2] с постели, зажигает светильник и босой обегает вокруг, чтобы все проверить, и только после этого едва-едва засыпает. (5) У должников он требует проценты при свидетелях, чтобы они не могли отпереться. (6) Свой плащ он скорее отдаст в чистку не тому сукновалу, кто лучше всего выполнит работу, но тому, кто выставит верного поручителя. (7) Приди кто-нибудь просить у него взаймы серебряных кубков, он обычно отказывает; если же проси-

тель какой-нибудь родственник или близкий человек, то отдает кубки, но чуть ли не подвергнув их пробе на огне и взвесив, и даже, пожалуй, потребует поручителя. (8) Провожающему его рабу он велит идти не сзади, а впереди, чтобы наблюдать, как бы тот не удрал по дороге. (9) Если какой-нибудь покупатель скажет ему: «Запиши за мной, сейчас мне некогда с тобой рассчитаться», он отвечает: «Не беспокойся! Я буду ходить за тобой следом, пока ты не освободишься».

XIX. Нечистоплотность

1) Нечистоплотность — это нерадение о своем теле, неприятное другим, а нечистоплотный вот какой человек. (2) Он расхаживает, страдая проказой и лишаями, с черными ногтями,[1] и объявляет еще, что у них в семье это, мол, прирожденный недуг: ведь до него этим недугом страдали его отец и дед, и поэтому не так-то легко кому-нибудь со стороны втереться в их семью. (3) Язвы на голенях и ушибы на пальцах ног[2] он, конечно, не лечит, но так запускает, что они становятся злокачественными. Из подмышек и далеко по бокам у него растет густая шерсть, как у дикого зверя. И зубы у него черные и изъеденные, так что с ним противно общаться. (4) Другие качества его вот какие. За едой он сморкается в руку; принося жертву, пачкается кровью; разговаривая с кем-нибудь, брызжет изо рта; во время питья от-

рыгивает. (5) Спит в грязной постели со своей женой. (6) В бане он натирается прогорклым маслом и [...].[3] (7) В толстой рубахе и очень тонком плаще (который весь в пятнах) идет на рынок. (8) Когда его родная мать выходит из дому, направляясь к птицегадателю, он произносит слова, предвещающие беду. (9) А когда люди молятся или приносят жертвы, он роняет кубок и смеется, как будто выкинул какую-то остроумную шутку. (10) Слушая игру на флейте, он один аплодирует и подпевает и затем грубо кричит на флейтистку, зачем так скоро перестала играть. (11) Если ему нужно сплюнуть за столом, он плюет на виночерпия.

XX. Назойливость[1]

(1) Назойливость, если точнее определить ее, — это поведение неприятное, хотя и безвредное для других, а назойливый вот какой человек. (2) Только кто-нибудь заснет, как он приходит и будит ради того лишь, чтобы поболтать, (3) и мешает людям, собравшимся в отъезд. (4) И если кто-нибудь пришел к нему, просит подождать, пока прогуляется. (5) Отняв ребенка у няньки, разжевывает ему пищу и сам кормит и, сюсюкая и причмокивая при этом, называет папенькиным любимчиком. (6) За столом рассказывает, что прочистил себе желудок и вверх и на низ, выпив чемерицы, и что желчь в его испражнениях при этом была чернее похлебки, что стоит на столе. (7) При до-

мочадцах он способен спросить: «Скажи-ка, мамаша, какой это был для тебя денек, когда ты меня в муках рожала?». И затем сам отвечает за мать, что все же это было отрадно [...] (8) Потом заявляет, что едва ли есть хоть один человек на свете, кто бы не испытывал одновременно и того и другого — удовольствия и страдания. (9) В гостях за обедом он рассказывает, что дома у него в цистерне есть холодная вода, в огороде полно свежих овощей, а повар готовит отличный обед.[2] И дом его что постоялый двор — всегда так и кишит гостями; друзья же у него — что бездонная бочка: сколько ни старайся, все равно не наполнить. (10) Гостям он показывает таланты своего прихлебателя.[3] Угощая гостей вином, приговаривает, что забава для них уже приготовлена и стоит только попросить, как раб приведет флейтистку из публичного дома, «чтобы она всем нам сыграла и доставила удовольствие».

XXI. Тщеславие

(1) Тщеславие мы определим как низменное стремление к почету, а тщеславный[1] вот какой человек. (2) В гостях за обедом он старается занять место за столом рядом с самим хозяином.[2] (3) Сына своего отправляет остричь волосы в Дельфы,[3] (4) причем обязательно позаботится, чтобы сопровождающий его слуга был эфиоп.[4] (5) Возвращая взятую в долг мину серебра, он старается отдать целиком новой мо-

нетой. (6) Для галки, которую держит в доме, он обязательно купит лесенку и сделает маленький медный щит, чтобы она прыгала с ним по этой лесенке.[5] (7) Когда приносит в жертву быка, то уж непременно приколотит у себя перед входной дверью бычий лоб с рогами, обвитый огромным венком, чтобы входящие видели, что он принес в жертву быка. (8) После торжественного шествия со всадниками он велит рабу отнести домой все вещи и снаряжение, а сам, накинув гражданский плащ, но в шпорах, красуется, прогуливаясь по рынку. (9) Если у него околеет мелитская собачонка,[6] он велит поставить надгробный памятник и сделать столбик с надписью: «Чистый отпрыск мелитской породы». (10) Посвятив в храм Асклепия[7] медный палец,[8] он принимается начищать его, украшает венками и ежедневно умащает благовониями. (11) Когда ему случится исполнять должность притана,[9] он обязательно потребует от коллегии пританов, чтобы ему дали объявить народу исход жертвоприношения, и тогда, облачившись в пышное одеяние, с венком на голове, выступает с такими словами: «О мужи афиняне! Мы, пританы, принесли жертвы Матери богов и справили Галаксии.[10] Жертвы благоприятны. И вы принимайте ее дары!». После этого он возвращается домой и рассказывает жене о своем удивительном успехе.

XXII. Скаредность[1]

(1) Скаредность — это низменная боязнь расходов,[2] а скаред вот какой человек. (2) Одержав победу с трагическим хором, он посвящает Дионису деревянную диадему и пишет на ней свое имя.[3] (3) Как только зайдет речь в народном собрании о добровольных взносах,[4] он встает и втихомолку уходит. (4) Отдавая замуж дочь,[5] продает жертвенное мясо, кроме частей, назначенных жрецам, а прислуживать на свадебной пирушке нанимает слуг на своих харчах. (5) Во время триерархии[6] он велит стлать себе постель кормчего на корабельной палубе, а свою бережет. (6) Он также не пускает сыновей в школу в праздник Муз[7] под предлогом нездоровья, чтобы не вносить за них доли в складчину.[8] (7) Накупив съестного, он сам несет с рынка мясо и овощи за пазухой.[9] (8) Когда приходится отдавать в стирку плащ, он не выходит из дому.[10] (9) Завидев приближающегося приятеля, который собирает складчину, скряга, хотя уже договорился с ним о взносе, все-таки сворачивает с дороги и кружным путем возвращается домой. (10) Жене своей, которая принесла ему большое приданое, не покупает рабыни-служанки, а нанимает провожать ее с женского рынка девочку. (11) Обувь носит с много раз наставленными подметками и утверждает, что они не уступают в прочности рогу. (12) Встав утром, он сам подметает пол в доме и уничтожает клопов в постели. (13)

Когда садится, то отворачивает свой плащ, который постоянно носит.

XXIII. Бахвальство [1]

(1) Бахвальство — это не что иное как притязание на достоинства, которых нет в действительности, а бахвал вот какой человек. (2) Стоя на молу,[2] он разглагольствует перед иностранцами, как много денег он вложил в морскую торговлю, и подробно расписывает свои морские ссудные операции, как велики они и сколько он успел уже на них заработать и потерять. Плетя такие небылицы,[3] он в то же время посылает парнишку в меняльную лавку, где у него нет даже драхмы на счету.[4] (3) Дорожному спутнику он готов заморочить голову рассказами, как он воевал с Александром,[5] какие милости тот ему оказывал и сколько он привез с собой кубков, украшенных драгоценными каменьями. И об азиатских мастерах он готов спорить, утверждать, что они лучше европейских, и все это, не выехав ни разу в жизни из своего города. (4) У него есть уже, по его словам, целых три письма от Антипатра [6] с приглашением приехать в Македонию. И несмотря на разрешение беспошлинно вывозить оттуда лес,[7] он все-таки, мол, отказался ехать, чтобы никто не донес о его слишком больших симпатиях к македонянам. (5) В голодную годину [8] он будто бы потратил больше пяти талантов на помощь нуждающимся гражданам, так как не мог им отка-

зать. (6) Сидя рядом с людьми незнакомыми,[9] он велит одному из них класть счетные камешки и, подсчитывая итоги по 600 драхм и по мине [10] и для правдоподобия называя при этом имена людей, кому он ссудил деньги, получает общий итог в 24 таланта.[11] Эти-то деньги, по его словам, и есть его добровольные пожертвования. Что до постройки кораблей, то это, а также и другие общественные повинности, которые ему пришлось нести, в счет не идет. (7) Подойдя к рядам продавцов породистых коней, он делает вид, будто собирается купить коня.[12] (8) У прилавка [13] продавцов материй и одежды набирает себе одежды почти на 2 таланта,[14] а затем принимается бранить раба за то, что тот пошел с ним на рынок, не взяв с собой золотой монеты.[15] (9) Живя в наемном доме, бахвал уверяет людей, что дом достался ему от отца по наследству, но он желает его продать, потому-де, что дом ему слишком мал для приема иностранных гостей.

XXIV. Высокомерие

(1) Высокомерие — это какое-то презрение ко всем остальным людям, кроме себя, а высокомерный вот какой человек. (2) Посетителю, который спешит, он говорит, что тот может с ним встретиться после обеда за прогулкой.[1] (3) Оказав людям услугу, он велит хорошо запомнить это.[2] (4) Приговор сторонам, которые выбрали его посредником, он выносит, про-

гуливаясь по улице. (5) Избранный на государственную должность, отказывается, клятвенно заверяя, что ему недосуг. (6) Первым посетить он никого не желает. (7) Своим поставщикам или нанятым на работу он велит приходить на рассвете. (8) Со встречными на улицах не разговаривает, но идет, глядя себе под ноги или, наоборот, высоко подняв голову. (9) Принимая дома приятелей, сам не обедает с ними вместе, но оставляет их на попечение одного из своих людей. (10) Отправляясь куда-нибудь, заранее посылает человека сообщить о своем прибытии. (11) Когда натирается маслом в бане, и даже за едой, не допускает к себе посетителей. (12) При расчетах с кем-нибудь поручает рабу[3] подсчитать на камешках и, подведя итог, записать в счет. (13) В письмах не пишет: «Ты сделаешь мне одолжение», но «Мне желательно», «Я послал человека, чтобы получить от тебя» и «Чтобы так оно и было», «Без промедления!».

XXV. Трусость[1]

(1) Трусость — это некая душевная слабость, выражающаяся в неспособности противостоять страху, а трус вот какой человек. (2) В море он принимает утесы за пиратские корабли.[2] А едва начинают подыматься волны, спрашивает, нет ли среди плывущих непосвященного в мистерии.[3] И подымая затем голову к кормчему,[4] выспрашивает у того, держит ли

он правильный курс в открытом море и что думает о погоде; а своему соседу говорит, что видел зловещий сон. Затем снимает свой хитон,[5] отдает рабу и умоляет высадить его на берег. (3) А на войне, когда отряд, в котором он находится, вступает в бой, он призывает земляков остановиться рядом с ним и прежде всего оглядеться; трудно, говорит он, распознать и отличить своих от врагов. (4) Слыша боевые крики и видя, как падают люди, он говорит стоящим возле воинам, что в спешке забыл захватить свой меч, и бежит к палатке; затем посылает раба с приказанием разузнать, где неприятель. В палатке он прячет меч под подушку и потом долго мешкает, как бы разыскивая его. (5) Если увидит, что несут раненым одного из друзей, то, подбежав, ободряет, подхватывает и помогает нести. Затем начинает ухаживать за раненым: обмывает рану губкой и, сидя у изголовья, отгоняет мух от раны, словом, делает все, лишь бы не сражаться с врагами. А когда трубач затрубит сигнал к бою, то, сидя в палатке, бормочет: «Чтоб тебя черти побрали! Не даешь человеку заснуть, только и знаешь трубить». (6) И весь в крови от чужой раны, он выбегает навстречу воинам, возвращающимся с поля боя, распространяется о том, что он с опасностью для жизни спас одного из друзей. Потом приводит земляков и граждан своей филы поглядеть на раненого и при этом каждому рассказывает, что сам своими руками принес его в палатку.

XXVI. Приверженность к олигархии [1]

(1) Приверженность к олигархии — это, думается, стремление к господству, тесно связанное с корыстью. А приверженец олигархии вот какой человек. (2) Когда народ решает, кого взять в помощь архонту распорядителями праздничной процессии,[2] он берет слово и предлагает облечь выборных неограниченной властью.[3] И даже если другие выставляют десять кандидатов, говорит: «Хватит и одного, но пусть это будет настоящий муж». Из всего Гомера он запомнил только один-единственный стих:

Нет в многовластии блага, да будет единый властитель [4]

и больше ни одного не знает. (3) Вот какие нравоучительные изречения он постоянно твердит: «Нужно нам собраться и между собой обсудить, как избавиться от черни и от рынка; [5] надо отказываться от государственных должностей и не допускать для себя ни брани, ни почестей от этих людей». Затем: «Или этим людям или нам жить в этом городе». (4) Около полудня [6] он выходит из дому, одетый в гиматий, умеренно подстриженный,[7] с тщательно подрезанными ногтями, и провозглашает с трагическим пафосом: (5) «Житья нет в нашем городе от сикофантов»,[8] «В судах нам беда от подлых, которые нас судят», «Дивлюсь я тем, кто еще занимается общественными делами! Чего им только надо? Ведь чернь неблагодарна и всегда благоволит лишь тому, кто устраивает раздачи и казенные подарки». Говорит о том,

как он стыдится, когда рядом с ним в народном собрании усаживается какой-то жалкий и грязный нищий. (6) И твердит: «Когда же наконец нас перестанут донимать общественными повинностями и снаряжением кораблей?[9] И как же ненавистна нам эта порода народных вожаков!». Виновник всех этих бед, по его словам, прежде всего Фесей: «Это он собрал народ из двенадцати городов в один город и уничтожил царскую власть. И по заслугам сам и получил: эти люди его первого и погубили».[10] И многое другое в таком же роде говорит он, обращаясь к иностранцам и согражданам одинакового с ним настроения и взглядов.

XXVII. Опсиматия[1]

(1) Опсиматию уместно определить как усердие не по возрасту, а опсимат это вот какой человек. (2) Шестидесяти лет от роду он может заучивать наизусть стихотворные отрывки, да к тому же еще, принимаясь декламировать их за вином, забывает. (3) Собственный сын учит его военному строю: «Направо! Налево! Кругом!». (4) На празднества в честь героев он вносит долю складчины, чтобы вместе с юношами участвовать в беге с факелами.[2] (5) Если его позовут для жертвоприношения в храм Геракла, то он, скинув плащ, поднимает голову быка,[3] чтобы подставить горло жертвы под нож. (6) Он упражняется также в борьбе, появляясь в палестрах.[4] (7) На площадных ба-

лаганах он просиживает по три, по четыре представления,[5] заучивая куплеты песенок. (8) При посвящении в мистерии Сабазия[6] старается превзойти всех других посвящаемых, красуясь перед жрецом. (9) Влюбленный в гетеру, выламывает двери дома прелестницы и затем, избитый счастливым соперником, подает в суд на обидчика. (10) Отправляясь в поле верхом на чужом коне, начинает наезднические упражнения, падает и разбивает себе голову. (11) В кружке декадистов[7] устраивает угощение тем, кто вместе с ним участвует в деятельности этого кружка. (12) С сопровождающим его рабом он играет в «большую статую»[8] (13) и с дядькой собственных детей состязается в метании дротика и стрельбе из лука, да еще и учит его, как будто тот сам ничего не умеет. (14) В бане он выступает борцом и при этом поминутно виляет задом, желая этим показать, что он опытный борец. (15) И когда пляшут хоры женщин,[9] то и старик пускается в пляс, сам себе подпевая.

XXVIII. Злоязычие

(1) Злоязычие — это недоброжелательное расположение, проявляющееся в речах, а злоязычный вот какой человек. (2) Если его спросят: «Что за человек такой-то?», он ответит так, как будто ему заказано составление родословной:[1] «Сперва я начну с его происхождения. Что до его отца, то сначала его звали Со-

сием,[2] в солдатах он стал Сосистратом,[3] а после зачисления в списки демотов — Сосидемом.[4] А вот мать его — благородная фракиянка. Зовут эту милашку Кринокоракой.[5] Такие дамы, как говорят, у себя на родине считаются благородными. А сынок таких родителей — негодяй и висельник. (3) Он способен сказать кому-нибудь [...]: [6] «Уж я-то, конечно, знаю все о тех». И затем добавляет к этому: «Эти женщины прямо на улице хватают прохожих и уводят к себе. Да и дом-то у них сам, пожалуй, готов задрать ноги.[7] Нет, это не шуточное дело: они как собаки совокупляются прямо на улицах. Одним словом, эти бабы прямо насилуют мужчин. Они сами выбегают открывать на стук дверь во дворе».[8] (4) Конечно, когда другие начинают злословить на чей-нибудь счет, он тут как тут и непременно вмешивается: «Я-то, говорит, этого человека терпеть не могу больше всех. Ведь и с лица-то он какой-то мерзкий, а подлость его неслыханна. Вот пример. Жене своей (которая принесла ему таланты [9] в приданое) после рождения ребенка он выдает ежедневно три медяка на харчи, да еще заставляет на Посейдонов день [10] мыться холодной водой». (5) В компании он способен злословить о только что вышедшем человеке, а лишь только начнет, то уж никак не может удержаться, чтобы не обругать еще и его родных. (6) И не счесть гадостей, которые он распространяет о приятелях и домашних, не щадя даже покойников. Злословие — это для него и свобода слова, и демократия, и независи-

мость; и нет на свете ему большего удовольствия, чем это.[11]

XXIX. Подлолюбие

(1) Подлолюбие — это пристрастие к пороку, а подлолюбец[1] вот какой человек. (2) Он ищет общения с проигравшими гражданский процесс и ограниченными в гражданских правах по суду,[2] думая при этом, что если он будет с ними якшаться, то приобретет больше опыта и внушит к себе больше страха. (3) А говоря о честных людях, скажет, что нет честных людей по природе, но все одинаковы; (4) да еще и в упрек поставит человеку то, что он считается честным. Негодяя же он зовет человеком свободным от предрассудков. Если кому-нибудь бросают обвинение в подлости, он согласен, что многое из того, что люди говорят о нем, сущая правда, но кое-что и отвергает. Так, он утверждает, что это человек даровитый, добрый товарищ и смышленый. Он заступается за него, уверяя при этом, будто вообще не встречал человека более дельного. Когда тот выступает с речью в народном собрании или держит ответ перед судом, он также всегда на его стороне. И судьям он твердит, что надо судить не данного человека, а само дело! Человек же этот — пес народа:[3] ведь он охраняет народ от его врагов. В заключение он добавляет: «Не останется у нас уже больше людей, способных терпеть невзгоды ради блага государства, если мы по-

жертвуем такими людьми, как этот». (5) Он умеет также покровительствовать[4] негодяям, оказывать им поддержку в судах по всяким темным делам и в суде всегда готов речи сторон перетолковывать в неблагоприятном для них смысле.[5]

XXX. Подлокорыстие

(1) Подлокорыстие — это стремление к постыдной корысти, а подлокорыстный вот какой человек.[1] (2) Принимая гостей, он не подаст на стол достаточно хлеба. (3) У иноземца, который остановился у него в доме, он занимает деньги. (4) При раздаче порций жертвенного мяса заявляет, что раздатчику полагается двойная порция, и тотчас же забирает ее себе. (5) Если продает вино, то даже приятелю старается всучить разбавленное водой. (6) На театральное представление он ходит вместе с сыновьями уже в тот час, когда съемщики пускают на свободные места даром.[2] (7) Будучи послом за границей, он оставляет дома полученные от казны деньги на дорогу,[3] а сам занимает на харчи у товарищей-послов. На плечи сопровождающего раба он наваливает ношу тяжелее, чем тот может снести, а харчей отпускает ему меньше всех других хозяев. Свою долю подарков, полагающихся послам,[4] он требует, чтобы тут же продать ее. (8) Натираясь маслом в бане, он говорит рабу: «Масло-то ты, паренек, купил прогорклое», и затем берет и умащается

чужим. (9) Он способен даже требовать себе часть медяков, найденных рабами на улицах, приговаривая: «Гермесовы дары — для всех».[5] (10) Когда приходится отдавать свой плащ в стирку, то занимает плащ у знакомого, а затем оттягивает возвращение на много дней, пока наконец его не потребуют назад. (11) А бывает еще и такое. Он сам отмеривает своим домочадцам порции муки на харчи «фидоновой меркой»[6] с вдавленным внутрь дном, тщательно выравнивая поверхность. (12) Узнав, что его приятель намерен по случаю купить какую-нибудь вещь, он спешит купить ее сам, чтобы перепродать ему. (13) Возвращая взятые в долг тридцать мин, он недодает четыре драхмы. (14) Если сыновья его по болезни пропустили учебные занятия, он делает соответствующий вычет из платы за обучение. А в месяц анфестерион[7] вовсе не посылает детей в школу, чтобы не вносить платы учителю, так как в этом месяце много театральных представлений и праздников. (15) Когда раб приносит ему свои медяки оброка,[8] он требует еще лаж по счету на серебро. (16) Так же он поступает, получая расчет от своего управляющего,[9] при угощении земляков[10] требует еще для своих рабов харчей из общего кошта. А оставшиеся от угощения половинки редьки он записывает, чтобы их не забрали рабы, прислуживающие за столом. (17) Случись ему путешествовать со знакомыми, он пользуется услугами их рабов, своего же раба отдает внаем на сторону и наемную плату не вносит в общую казну. (18) Конечно, когда

у него устраивается обед в складчину, он ставит в счет израсходованные им дрова, чечевицу, уксус, соль и масло для светильников. (19) Если кто-нибудь из приятелей женится или выдает замуж дочь, он умышленно перед этим уедет на некоторое время из города, чтобы не подносить свадебного подарка. (20) И у знакомых он занимает такие вещи, которых не потребуют назад и даже откажутся принять, если их и предложить вернуть.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ФЕОФРАСТ И ЕГО «ХАРАКТЕРЫ»

ЭПОХА ФЕОФРАСТА

Время жизни Феофраста (конец IV—первая половина III в. до н. э.) — это переломная эпоха в истории античного мира, конец полисной системы и становление эллинистических монархий диадохов — наследников Александра.

Уже в начале IV в. до н. э. после Пелопоннесской войны Эллада вступила в период хронических потрясений — социально-политических и военных, знаменовавших кризис античного полиса (города-государства).[1] Экономическими предпосылками кризиса были интенсивный процесс концентрации земли, разорение и обезземеление свободного крестьянства, проникновение рабского труда в основные сферы производства, развитие товарного и денежного хозяйства. Свободные производители — крестьяне и мелкие ремесленники — не выдерживали конкуренции дешевого рабского труда и превращались либо в люмпен-пролетариев, либо ста-

[1] См.: Всемирная история. М., 1953, т. II, стр. 64.

новились солдатами-наемниками, готовыми за деньги служить кому угодно.[2]

Процесс разложения полисной системы продолжался в течение всего IV в. Прогрессирующее разорение свободных крестьян и мелких ремесленников, ожесточенная конкуренция отдельных полисов в области морской торговли (борьба за рынки) и постоянное соперничество крупнейших полисов (Афины, Спарта, Фивы) за политическую гегемонию ослабили греческие государства, и они сравнительно легко стали жертвой македонского завоевания.[3] Имущие слои рабовладельцев стали на сторону македонских завоевателей, поступившись политической независимостью полиса ради восстановления своего экономического и политического господства, так как люмпен-пролетарские массы и вооруженные наемники все время создавали угрозу политических и социальных переворотов.[4]

Так называемая Ламийская война (323/322 г. до н. э.) положила конец самостоятельности Афин: город должен был принять македонский гарнизон, власть перешла в руки македонской партии, и демократия в городе была уничтожена. Сторонники демократии были либо казнены, либо ушли в изгнание.

В 319 г. демократическая партия в Афинах вернулась к власти, но ненадолго. В 318/

[2] Там же, стр. 65.

[3] Там же, стр. 211.

[4] Там же, стр. 212. Социальные перевороты в древности провозглашали лозунг: передел земли и кассация (уничтожение) долгов.

317 г. македонский полководец Кассандр снова уничтожил демократический строй в городе и поставил во главе государства ученика Аристотеля и друга Феофраста, перипатетика Деметрия Фалерского. Деметрий правил в Афинах 10 лет (318/317—307 гг. до н. э.). В августе—сентябре 307 г. сын Антигона, одного из диадохов, Деметрий Полиоркет изгнал Деметрия Фалерского и восстановил демократию. В 301 г. Антигон и Деметрий потерпели решительное поражение при Ипсе (во Фригии) от Селевка и Лисимаха (Антигон пал, а Деметрию удалось спастись). В Афинах затем несколько раз сменялось правление в зависимости от того, кто из диадохов господствовал в Греции. В конце концов город подпал под власть сына Деметрия Полиоркета Антигона Гоната, который основал в Македонии новую династию (276 г. до н. э.), и стал македонской провинцией.

Экономически Афины, однако, в конце IV—начале III в. были еще довольно сильны. Несмотря на упадок сельского хозяйства и мелкого ремесла и значительное сокращение товарооборота главной афинской гавани — Пирея, Афины, соперничая с Родосом, Византием и Александрией, все же оставались одним из крупнейших экономических и торговых центров Эллады. Согласно переписи населения Аттики, произведенной во время правления Деметрия Фалерского, число свободных граждан составляло 21 000 при 11 000 иностранцев (метэков, постоянно проживавших в городе) и 400 000 рабов (последняя цифра, вероятно, сильно преуве-

личена).[5] Деметрий Фалерский был выдающимся финансистом: благодаря ему доходы города во время его правления достигли внушительной суммы в 1200 талантов серебра[6] (главным образом за счет македонских субсидий, морской торговли и от многочисленных туристов, во множестве стекавшихся туда со всех концов эллинского мира).

Крупные афинские землевладельцы, богатые купцы, финансовые дельцы (τραπεζῖται) и всевозможные спекулянты и выскочки сумели во время бесконечных политических и экономических кризисов не только сохранить, но и значительно увеличить свои состояния за счет разорения широкой массы граждан. Эта рабовладельческая верхушка неизменно держала сторону Македонии (готовая подчиниться любому македонскому генералу). Широкие слои свободного населения Аттики, также заинтересованные в стабилизации политической и социальной жизни, однако все еще хранили традиции независимости и полисной демократии. Поэтому среди них были наиболее сильны антимакедонские настроения.[7]

В эту эпоху, несмотря на начавшийся процесс политической и экономической деградации (отчасти в связи с перенесением центра поли-

---

[5] См.: RE, s. v. Demetrius, стб. 2827.

[6] Деньги эти шли главным образом на содержание отрядов наемников, так как гражданское ополчение Афин было совершенно незначительно (ср.: RE, s. v. Demetrius, стб. 2824).

[7] См.: Всемирная история, т. II, стр. 66, 212.

тической и экономической жизни на Восток), Афины продолжали оставаться научным и художественным центром всего эллинистического мира и по-прежнему жили интенсивной интеллектуальной жизнью. Платоновская Академия, аристотелевский Ликей и другие философские школы привлекали со всех концов Эллады многочисленных слушателей. Македонские властители (например, Птолемей и Деметрий Полиоркет) с уважением относились к философам, поэтам и ученым. А те в свою очередь в своих лекциях и произведениях проводили идеи необходимости и неизбежности подчинения «сильной власти».

Для большинства свободных граждан (особенно для женщин, которые по афинскому обычаю проводили бо́льшую часть жизни дома) общественная жизнь, лишенная своего былого гражданского содержания, стала будничной, серой, обыватель замкнулся в своем домашнем быту. Нет уже больше ни трагедии с ее мировыми проблемами, ни политической комедии Аристофана.[8] Прежний центр политической жизни города, афинская площадь (агора́), где когда-то кипели политические страсти, превратилась в огромный рынок со всевозможными товарами на все вкусы. Тут же находились меняльные лавки (банкирские конторы), игорные притоны, публичные дома, харчевни, цирюльни

[8] По словам Горация, комедия «позорно замолчала», когда от нее было отнято право критиковать и нападать на руководящих политических деятелей (Hor. A. P. 284).

(служившие местом встреч праздной публики), всегда полные народа.[9] Этот народ, с утра до вечера толпившийся на рынке, и составлял основную массу свободных афинских граждан, погрязшую в мелких повседневных делишках, сплетнях и пересудах, лишенную не только гражданских, но и всяких духовных интересов и стоявшую на грани деморализации.

Такую безотрадную картину жизни афинских обывателей конца IV в. рисует Феофраст в своих «Характерах».

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ФЕОФРАСТА

Сведениями о жизни Феофраста мы обязаны главным образом биографии философа, составленной Диогеном Лаэртием во II в. н. э.[10]

---

[9] См.: О. М. Фрейденберг. Характеры Феофраста. — Ученые записки ЛГУ, Серия филол. наук, 1941, № 63, в. 7, стр. 130.

[10] Диоген Лаэртий написал компиляцию под заглавием «Сборник жизнеописаний и мнений философов» (Φιλοσόφων βίων καὶ δογμάτων συναγωγή) на основе сочинения перипатетика Гермиппа из Смирны (ок. 200 г. до н. э.) (ср.: F. Leo. Griech.-römische Biographie. Leipzig, 1901, стр. 78, 124 сл.). Книга Диогена Лаэртия составлена по перипатетической схеме для биографии. В ней дается обобщенный образ жизни (βίος) философа (или поэта, полководца или государственного деятеля), а не жизнь реального человека: данный реальный человек служит для этого только примером, иллюстрацией. Внешние события в жизни описываемого персонажа интересуют биографа лишь поскольку они освещают «характер» (ср.: U. v. Wilamowitz-Möl-

Феофраст, родом из г. Эреса на о. Лесбосе, был, по преданию, сыном сукновала (κναφεύς) Меланта. Время жизни философа — 371—287 гг. до н. э. По сообщению географа Страбона (I в. н. э.), Феофраста будто бы «сначала звали Тиртамом, но Аристотель назвал его Феофрастом, избегая неблагозвучия прежнего имени и вместе с тем намекая на его увлечение изящным стилем».[11] О детстве и юности Феофраста нам ничего не известно.[12]

Еще юношей Феофраст прибыл в Афины, где слушал лекции Платона, а после смерти философа познакомился с Аристотелем (по-видимому, во время пребывания последнего в Митилене на о. Лесбосе).[13] Вместе с Аристотелем Феофраст жил затем в Македонии, а потом на

---

l e n d o r f. Die Griech. Literatur d. Altertums. Berlin, 1907, стр. 117).

[11] Страбон, стр. 579 (русск. пер. Г. А. Стратановского). Этимология имени «Тиртам» неясна. Феофраст («обладающий божественной речью») это так называемое теофорное имя (т. е. заключающее в себе имя какого-нибудь бога). Рассказ о переименовании Феофраста, вероятно, анекдот (ср.: RE, s. v. Theophrastos, стб. 1357).

[12] Античность никогда не изображает процесса становления личности. Античного биографа не интересует детство и юность героя как этапы внутренней жизни человека. Все внимание обращено на период «расцвета» (ἀκμή), когда «характер» уже оформлен (ср.: И. М. Т р о н с к и й. История античной литературы. Л., 1951, стр. 255).

[13] С о. Лесбоса происходили также ученики Аристотеля Фаний и Праксифан.

родине Аристотеля в г. Стагире (где, по-видимому, владел земельным участком).[14]

В 335 г., когда Александр Македонский выступил в свой знаменитый поход на Персию и Индию, Феофраст и Аристотель переехали в Афины.

В течение 12-летней преподавательской деятельности Аристотеля в Афинах Феофраст оставался его верным учеником и помощником, а после удаления философа на Халкиду (и его смерти) в 322/321 г. стал во главе школы Аристотеля в афинском Ликее[15] и оставался схолархом (главой школы перипатетиков) в течение 34 лет до самой своей смерти (287 г. до н. э.).[16]

Феофраст сумел сделать популярным глубокое учение своего великого учителя. Его лекции вошли в моду, пользовались огромным успехом и привлекали в Ликей множество слу-

---

[14] RE, s. v. Theophrastos, стб. 1357. См. ниже о завещании Феофраста.

[15] Как иностранец (метэк) по афинским законам Аристотель не имел права владеть в Афинах земельным участком. Философ жил в северо-восточной части города. Вся эта местность называлась по храму Аполлона Ликейского Ликеем. В Ликее находились так называемые περίπατοι (аллеи, общественные помещения для гимнастических упражнений), где читал свои лекции Аристотель. От этих περίπατοι ученики Аристотеля и Феофраста впоследствии были названы перипатетиками (ср.: RE, s. v. Peripathos, стб. 905).

[16] По А. Геллию, Аристотель сам назначил Феофраста своим преемником (см.: A. Gellius, NA, XIII, 5). Анекдот, который передает Геллий о причинах выбора Феофраста, конечно, не достоверен.

шателей из различных городов Эллады.[17] Среди учеников Феофраста были знаменитый поэт новой комедии Менандр, оратор Динарх, правитель Афин при Кассандре Деметрий Фалерский, ученый историк литературы Дикеарх Мессенский, философы Стратон из Лампсака, Евдем с о. Родоса и мн. др.

Перипатетическая школа философов была юридически оформлена как религиозный союз (θίασος). В тенистых аллеях и прилегающих к ним зданиях (περίπατοι) находилось святилище Муз (Μουσεῖον) с обширной библиотекой и рукописным наследием Аристотеля и общежитием для слушателей (тут же был, по-видимому, и дом самого Феофраста).

С помощью своего ученика Деметрия Фалерского Феофрасту удалось даже приобрести в собственность участок земли с садом близ Ликея.[18] Вообще годы правления Деметрия (318—308 гг. до н. э.) были годами расцвета Ликея (школа Феофраста) и Академии (школа Платона). Обе эти школы пользовались покровительством власти.

Феофраст (как это видно из его завещания) не был женат и вел скромную жизнь кабинетного ученого (σχολαστικός) и профессора, не вмешиваясь активно в политическую жизнь

[17] При Деметрии Фалерском число слушателей Феофраста доходило будто бы до 2000 человек (см.: RE, s. v. Theophrastos, стб. 1359).

[18] Точное местонахождение этого сада неизвестно (см.: RE, s. v. Peripatos, стб. 906).

своей второй родины.[19] При этом философ умел поддерживать дружеские отношения с «сильными мира сего» — представителями македонской верхушки (например, с Деметрием Фалерским и Птолемеем Египетским). Подобно Аристотелю, Феофраст (как и все перипатетики) отрицательно относился к «политическим крайностям» — тирании, олигархии и радикальной демократии[20] (что на практике означало поддержку македонской партии).[21]

В 316/315 г. до н. э. один из представителей демократической партии, некто Гагнонид, пытался обвинить философа в религиозном преступлении (ἀσέβεια 'нечестие'), но Феофрасту удалось оправдаться.[22]

После изгнания Деметрия Фалерского и так называемого освобождения Афин Деметрием Полиоркетом вернувшаяся к власти радикальная демократия решила отомстить философам за их промакедонские и монархические симпа-

---

[19] Цицерон противопоставляет практическую, деловую активность Дикеарха Мессенского (βίος πρακτικός) философски созерцательной жизни (βίος θεωρητικός) Феофраста (Cicero ad Att., II, 16, 3; ср.: H. v. Arnim. S. B. Akad. Wien, 1926, Bd. 204, 3, стр. 90).

[20] Как враг тиранов Феофраст будто бы дважды спасал свой родной город от них (Plut adv. Colot., 33, 3, 1126) и даже написал памфлет против Александра как тирана (Καλλισθένης ἢ περὶ πένθους).

[21] И. Г. Дройзен (История эллинизма. М., 1893, т. II, стр. 286) называет его даже «самым решительным приверженцем Кассандра», о чем прямо не говорят наши источники.

[22] Ср.: Diog. Laert. V, 37.

тии. Некто Софокл, сын Антиклида из Суния, внес (ок. 306 г. до н. э.) закон, запрещающий философам (как врагам демократии) без разрешения совета и народного собрания открывать школы в Афинах. На основании этого закона Феофраст и другие философы должны были покинуть Афины. Однако уже на следующий год закон был отменен, и Феофраст смог возвратиться в Афины.[23]

Умер Феофраст в глубокой старости (в возрасте, по Диогену Лаэртию, 85 лет),[24] не назначив себе преемника. Все свое имущество, деньги и огромную библиотеку (в том числе рукописи Аристотеля) философ (как это видно из сохранившегося его завещания) передал своим ученикам и друзьям.[25]

---

[23] По Диогену Лаэртию, закон был якобы отменен из уважения к Феофрасту (Diog. Laert. V, 38).

[24] Ibid., V, 40.

[25] Приведем отрывок завещания Феофраста (по Диогену Лаэртию): «. . . участок в Стагире, нам принадлежащий, я оставляю Каллину, а все книги — Нелею. Сад и портик и все жилые строения около сада оставляю помянутым друзьям, которые пожелают в них заниматься и философствовать вместе, коль скоро невозможно, чтобы все сразу путешествовали, при условии, однако, что они не будут их отчуждать или передавать кому-нибудь одному в личную собственность, — пусть они владеют ими совместно как святыней, пользуясь ими сообща и дружно, как полагается по справедливости. И пусть владеют ими вместе Гиппарх, Нелей, Стратон, Каллин, Демотим, Демарат, Каллисфен, Мелант, Панкреон, Никипп. Если он пожелает, пусть философствует и общается с ними и Аристотель, сын Метродора и Пифиады. Заботу обо всем пусть возьмут на себя старейшие, проявляя наибольшее старание

По словам Диогена Лаэртия, «Феофраст был мудрейшим человеком, усерднейшим тружеником и, прежде всего, добрым и ученым».[26]

Феофраст обладал таким же всеобъемлющим и энциклопедическим умом, как и его учитель Аристотель. Он продолжал развивать философию и естественнонаучные труды учителя во всей их совокупности и, кроме того, дал обобщающие работы в той области, которой Аристотель не занимался (или не успел заняться), именно в области ботаники. Бо́льшая часть научного наследия Феофраста не сохранилась. Целиком дошли до нас два ботанических трактата: «О причинах растений» (т. е. физиология растений) и «История растений» (описание и география растений). Кроме того, осталось множество фрагментов его трактатов по философии, метафизике, физике, этике, истории, теории литературы, музыки, минералогии и т. д.[27]

о философии. А нас похоронить в той части сада, которая покажется наиболее подходящей, не допуская излишеств ни при устройстве могилы, ни при сооружении памятника» (цит. по кн.: В. П. Зубов. Аристотель. М., 1963, стр. 63).

[26] Diog. Laert. V, 41: ἀνὴρ συνετώτατος καὶ φιλοπονώτατος ἄλλως τε καὶ εὐεργετικὸς καὶ φιλόλογος.

[27] Полный список трудов Феофраста приведен у Диогена Лаэртия (Diog Laert. V, 42, сл.). В последнее время И. Цюрихер высказал мнение, что из большинства сочинений Аристотеля (так называемый «Corpus Aristotelicum») только 20% принадлежит самому Аристотелю, а 80% переработано Феофрастом после смерти учителя. Это парадоксальное мнение не нашло, однако, поддержки в современной науке. См.: J. Züricher. Aristoteles Werk und Geist. Paderborn, 1952; ср.: В. П. Зубов. Аристотель, стр. 64, прим. 209.

Но самым знаменитым из дошедших до нас сочинений Феофраста, доставившим ему славу в веках, является его маленькая книжка «Характеры» (по-гречески Χαρακτῆρες или Ἠθικοὶ χαρακτῆρες — «Этические характеры»).

АНТИЧНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

В античности еще до возникновения особой науки о человеке (антропология, этика, физиогномика) человек был главной темой греческой литературы и изобразительного искусства.[28]

В эпосе человек-герой еще всецело находится в зависимости от божества: он не может действовать самостоятельно, его сознание еще связано, а действия обусловлены божественным планом,[29] — он может быть характером, но еще не личность. Гомеровский человек еще близок к богам (которые суть идеальные человеческие образы, а не «духовные силы»). Эта близость к богам выражается в том, что герой (хотя он и человек) обладает ἀρετή [30] — доблестью, со-

[28] Уже первые строки «Илиады» и «Одиссеи» указывают на то, что это песни о герое-человеке, его подвигах и аффектах: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына», «Муза, скажи мне о том многоопытном муже».

[29] См.: B. Snell. Der Glaube an d. olympisch. Götter. Das neue Bild d. Antike. Leipzig, 1942, стр. 118.

[30] ἀρετή — первоначально всякое совершенство, высшее качество, заложенное в каком-нибудь существе или предмете. Например, ἀρετή ножа — его острота, ἀρετή ног — быстрота (Il., II, 216), ἀρετή собаки — чуткость.

вершенством (соединенным с физической красотой). Этим герой (как носитель ἀρετή → καλὸς ἀνήρ — доблестный муж) отличается от простого человека (κακός), у которого нет ἀρετή.[31]

В послегомеровскую так называемую архаическую эпоху человек продолжает быть зависимым от общества, судьбы и демонов (он беспомощен, бессилен, во власти ἀμηχανία).[32]

Около 700 г. начинается эпоха постепенного освобождения личности от архаической скованности вследствие разложения аристократического родового строя, оживления морской торговли и колонизации. Новые литературные жанры и изобразительное искусство отображают этот процесс духовного и физического освобождения человека.[33] Так, идеальный человек у Тиртея и Архилоха уже не похож на гомеровского героя.[34]

---

[31] Так, Ферсит (хотя он и царь) далек от богов, у него нет ἀρετή и потому он смешон и безобразен (W. Jäger. Paideia. N. Y., 1954, I, стр. 416, прим. 4). В образе Ферсита Гомер делает акцент не на индивидуальности, а на отклонении от божественного идеала. Только значительно позднее, в VI в., ἀρετή становится этическим качеством человека и целью человеческой жизни.

[32] Ср.: Hes. Op. et Dies, 496, 637. В изобразительном искусстве только с VII в. центр тяжести переходит на изображение человека (боги — уже люди, ср.: E. Buschor. Griech. Vasenmalerei. München, 1940, стр. 34, 84). Древнейшее греческое изобразительное искусство не передает натуру, а «является чем-то вроде математических формул» (Ibid.).

[33] См.: R. Hampe. Frühe griechischen Sagenbilder. Athenae, 1941, стр. 20.

[34] Идеал Тиртея — это патриот, борец за родину, а Архилох провозглашает свою независимость от обще-

Постепенно появляется новое человеческое самосознание: человек преодолевает «беспомощность, бессилие» (ἀμηχανία), на первый план теперь выступает «осмотрительный», «разумный» человек.[35] В последующую эпоху образ человека начинает контрастировать с божественным образом и все более этизируется.

Классическая эпоха афинского полиса (V в.), однако, все еще мало интересовалась человеческой личностью, которая всецело подчинена коллективу.

В трагедии Эсхила и Софокла человек (герой) находится в ситуации, в которую он поставлен судьбой (или демоном), а характер героя — нечто данное ему судьбой. Герой — жертва тех свойств, носителем которых он является.[36] Отрицательные качества героя независимо от него самого выявляют скрытый замысел высших сил.

У Еврипида акцент перенесен на изображение психических состояний героя и на переоценку традиционных мнений о трагических образах.[37]

В большинстве комедий Аристофана все персонажи — типические маски человеческих свойств. Лишь в поздних комедиях «Богатство» и отчасти «Экклесиазусы», поставленных уже

ственного мнения полиса, ср.: W. J ä g e r. Paideia, I, стр. 90.

[35] περιφραδής ἀνήρ, ср.: Lexikon d. Antike. München, 1970, s. v. Menschenbild, стр. 160.

[36] Ср.: Ibid.

[37] Ср.: Ibid.

в начале IV в., появляется интерес к человеческой личности и индивидуальному («маленькому», «простому») человеку — обывателю (в силу ослабления полисных связей, растущего политического и экономического кризиса и отхода массы граждан от политической жизни).[38]

Впервые софисты и Сократ (в литературе — Еврипид) стали изучать внешнюю и внутреннюю жизнь человека,[39] они, так сказать, открыли человеческую личность.

На первый план роль человека (и интерес к нему в науке и литературе) выдвигается только в конце IV в. в эпоху Феофраста.[40]

Феофраст как естествоиспытатель продолжал вслед за софистами и Аристотелем наблюдать личность как нечто объективное, как вещь.[41] Подобно тому как философы среди многообразия «текучих» вещей ищут какой-то неизменный принцип, так и Феофраст подмечает

---

[38] В этих комедиях налицо уже элементы психологизма и реальной мотивировки действий персонажа.

[39] См.: F. Leo. Griech.-römische Biographie, стр. 85. У софистов (Протагор) мы находим совершенно новый образ человека: «человек — мера всех вещей».

[40] В IV в. выступают такие замечательные личности, как Сократ (в частной жизни) и Александр и его преемники — диадохи (в политике). Появляется тенденция причислять великих людей к богам. С другой стороны, привлекает внимание «маленький человек», обыватель, ушедший в домашний быт.

[41] См.: С. С. Аверинцев. Греческая литература и ближневосточная «словесность». — В кн.: Типология и взаимосвязь литератур древнего мира. М., 1971, стр. 217.

в человеке среди множества черт некую постоянную черту — «характер», по которой создается представление о человеческих переживаниях.

АНТИЧНОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ХАРАКТЕРА И ЛИЧНОСТИ

В современной психологии характер — «это склад личности, образуемый индивидуальными своеобразными и типологическими чертами и проявляющийся в особенностях поведения, а также в особенностях отношения (установок) к окружающей социальной действительности».[42]

В термине «характер» мы теперь, таким образом, делаем акцент на личной особенности индивида, которая сообщает ему печать неповторимости, исключительности и действует как живая сила развития. Для грека же, наоборот, характер — это «штамп» (для чекана монет, который никогда не предназначен для одного экземпляра), «тип», «застывшая маска».[43] Оттого

---

[42] Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970, стр. 431.

[43] Греческое слово «характер» происходит от глагола χαράσσω 'царапать', 'писать на камне, дереве или меди'. Сначала оно означало инструмент, которым прикладывают штамп или клеймо; затем 'штамп', 'отпечаток', 'чекан', 'оттиск'. Образ штампа, отпечатка рано стал применяться к человеку, но не для обозначения душевных признаков или качеств. Так, например, у Геродота (I, 116) характер — это черты лица. Аристотель употреблял термин «характер» в значении 'штамп', 'оттиск'. Однако ни в «Поэтике», ни в его этических сочинениях этого слова нет (ср.: A. K ö r t e. Χαρακτήρ.— Hermes,

Феофраста не интересует «личность», но всегда «тип».

Человеческая личность (индивидуум) в ее замкнутости и неповторимости не была у греков предметом научного исследования и целью поэтического изображения.[44] Поэтому с нашей современной точки зрения «Характеры» Феофраста — это скорее типы, серия из 30 зарисовок, в которых изображены типические носители какого-нибудь недостатка — льстец, болтун, скряга, хвастун, сплетник, сторонник олигархии

1929, стр. 75, 77). Интересно, что и у Феофраста слово «характер» стоит только в заглавии, в тексте же его нет.

[44] Ср.: A. Körte. Χαρακτήρ, стр. 78. Интересно, что греческое слово, передающее понятие «личность» (πρόσωπον, persona), означает театральную маску и театральную роль (ср.: С. С. Аверинцев. Греческая литература и ближневосточная «словесность», стр. 217). «Внутренняя „маска“ человека (т. е. его внутренний мир) в принципе подобна внешней „маске“, и между обеими масками должно существовать структурное соответствие» (там же, стр. 219). Согласно учению стоика Панэтия, «каждый человек носит четыре маски: маску человека, маску конкретной индивидуальности, маску общественного положения и маску профессии» (там же, стр. 218). Личность, понимаемая как маска («личина»), никогда не дается в античности в процессе становления. Характер человека есть нечто неизменное, раз навсегда «задан» и не связан с формирующими его социальными силами и исторической обстановкой (ср.: И. М. Тронский. История античной литературы, стр. 255). (В последнее время резкое противопоставление «статичности» античного и «динамичности» современного психологизма подверглось уточнению в трудах Диле и Бергена; см.: С. С. Аверинцев. Плутарх и античная биография. М., 1973, стр. 36).

и т. п. «Характер» рассматривается как нечто целостное, но статическое и показан только в своих внешних проявлениях, без психологического анализа.[45]

Такое понимание человеческого характера далеко от наших современных представлений.[46]

Первоначально «характер» — это сумма типовых физических (внешних) свойств человека.[47] Феофраст формально зависит от физио-

---

[45] Ср.: И. М. Тронский. История античной литературы, стр. 210.

[46] Различное понимание характера в античности и в новое время прекрасно показал Пушкин на примере типа скупца у Шекспира и Мольера: «Лица, созданные Шекспиром, не суть как у Мольера типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих пороков. Обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера скупой — скуп — и только; у Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен и т. д.» (Сочинения в 10 томах, т. VIII. М., 1964, стр. 90—91).

[47] В ранние эпохи человеческого общества в поле зрения общественного сознания попадает лишь внешний мир. Первым объектом наблюдения служит животное. У Гомера и в древней лирике люди еще уподобляются животным. Переход от животного персонажа к человеку осуществляется в форме сравнения. В басне, в поэзии каждое животное — носитель определенного свойства. Первая маска — маска зверя, а первым характером (в архаической поэме Симонида) наделяются женщины (с точки зрения рабовладельца, существа примитивные, переходные от животных к человеку; ср.: О. М. Фрейденберг. Характеры Феофраста, стр. 136, 137). В эпосе характером наделяется отрицательный тип, а в драме — раб, носящий уродливую маску (ср.: там же, стр. 157).

гномической маски, но связывает ее с чертами поведения своих реальных современников и таким образом дает их портреты. «Характер» Феофраста — это уже сумма душевных свойств, проявляющаяся в поступках и словах.[48]

ЭТИЧЕСКИЕ И ФИЗИОГНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ХАРАКТЕРЕ»

В основе представления о «характере» у Феофраста лежат этические (и физиогномические) предпосылки, понятия о добре и зле, добродетели и пороке. Перенеся в заглавие своей книги термин «характер» (взятый, как сказано выше, из области ремесла), Феофраст придал ему этический смысл и подчеркнул его связь с перипатетической этикой (и вообще с философией Аристотеля).

То, чем теперь занимается психология, в древности составляло предмет этики — учения о душевном складе, нраве человека (ἦθος)[49] и

---

[48] См.: О. М. Фрейденберг. Характеры Феофраста, стр. 138.

[49] ἦθος — собственно, 'привычка', 'обыкновение', 'черта характера, согласующаяся с общепринятым порядком жизни'. ἠθικός — первоначально 'привычный', 'согласующийся с общепринятым порядком вещей', затем 'моральный', 'нравственный' (ср.: Философская энциклопедия, т. 5, стр. 582). В противоположность термину χαρακτήρ, которому чужд волевой элемент, в ηθος'е, напротив, есть «оттенок чего-то динамически направляющего» (ср. изречение Гераклита: ηθος человека — его демон). Грек не мог бы сказать, как мы, «человек с характером» (ср.: A. Körte. Χαρακτήρ,

физиогномики — науки, которая пыталась делать заключения о характере и поведении человека по его внешности (εἶδος),[50] т. е. по физическим признакам.

«Традиционная» дофилософская этика в Греции сводилась к определенным правилам поведения (особым для мужчин, женщин, взрослых и юношей, знатных и простолюдинов).[51] Напри-

стр. 82). Каждый человек с античной точки зрения детерминирован в своих самопроявлениях своей «природой» (φύσις) и «нравом» (ἦθος) (ср.: С. С. Аверинцев. Греческая литература и ближневосточная «словесность», стр. 218). Для античной психологической теории характер человека четко делится на φύσις и ἤθη (природа и нравы): ἤθη подвержены изменениям, φύσις для античного человека неизменна (ср.: С. С. Аверинцев. Плутарх и античная биография, стр. 36).

[50] Предпосылка о связи между телесной формой (внешностью) человека и его внутренним содержанием делает физиогномику отраслью эмпирической психологии. С точки зрения физиогномики, аффекты и характер (внутреннее содержание души) выражаются в осанке, позе, выражении лица, манере держаться и во всем поведении (ср.: RE, XXXIX, s. v. Physiognomik, стб. 1064 сл.). Наоборот, по духовным свойствам человека можно заключить о его наружности. Физиогномика (с IV в.) занимается главным образом дурными и порочными характерами (см.: О. М. Фрейденберг. Характеры Феофраста, стр. 137). Если для грека этика была наукой об отвлеченных свойствах и об отвлеченных носителях этих свойств, то физиогномика — наукой о конкретной стороне человеческого характера (см.: там же).

[51] От знатного требовалась готовность жертвовать собой на войне, щедрость (ἐλευθερία) во время мира и воздержание от работы за плату. Убийство, измена

мер: как вести себя в бою с врагом, на пирушке (συμπόσιον) с друзьями, в общении со старшими, с младшими, с иностранцами. Эти правила были слабо связаны с религией.[52] В основе традиционной этики лежали медицинские и антропологические представления. Так, медицинская теория о вреде чрезмерности и недостатка пищи и физических упражнений была перенесена в область этики. Подобно тому как в человеческом теле существует нормальная природная конституция, так дело обстоит и в этической области.[53] Этическое благо определялось как душевное здоровье, а зло (порок) — как болезнь.[54]

В V в. знакомство с этнографией привело греков к убеждению, что их этика не единственная. Отсюда был сделан вывод, что всякая этика основана на соглашении (νόμος) и не может претендовать на всеобщее значение. Философская этика, возникшая в конце V—начале IV в., прежде всего поставила вопрос о возможности общезначимой этики, обязательной для всех людей.

другу, развод со свободной женой считались тяжкими преступлениями (ср.: Lexik. d. Antike, s. v. Ethik, стр. 89).

[52] Этика как повиновение божеству и проступок как «грех» перед богом — не греческие понятия (ср.: Lexik. d. Antike, s. v. Ethik, стр. 89).

[53] Нормальная конституция — у ребенка, она еще не деформировалась под влиянием внешнего мира.

[54] Или понимается как склонность к болезни. Особенно близко к медицинской патологии понятие аффекта (πάθος) (ср.: Artemis. Lexikon d. Antike, s. v., стб. 882).

Древние доблести (ἀρεταί) этизировались и стали пониматься как средняя величина, некая норма (правильная середина) между двумя крайностями (пороками), образующимися от чрезмерности и недостатка. Например, мужество — это середина между отчаянной отвагой и трусостью, щедрость — середина между расточительностью и скаредностью. Доблести — это средства (пути) для достижения высшего блага.

Философская этика классифицировала доблести и пороки. Она изучала вопросы: 1) о частях доблести (ἀρετή) (о так называемых кардинальных доблестях)[55] и 2) о высшем благе.[56]

Аристотель расчленил высшее благо (εὐδαιμονία) по Платоновой схеме на душевные блага (кардинальные доблести),[57] телесные (здоровье,

---

[55] А также о числе доблестей и о том, врождены ли они у человека или их можно достичь упражнением, обучением или привычкой (ср.: Lexik. d. Antike, s. v. Arete, стр. 169).

[56] Философы устанавливали единую цель (как высшее благо человеческой жизни), для достижения которой все отдельные предписания служат средством. У Дамона такая цель εὐκοσμία (благопристойность), у Протагора — εὐβουλία (рассудительность, благоразумие), у Демокрита — εὐθυμία (веселость, успокоение), у Сократа это понятие означает исполнение всех желаний, соответствующих собственной сущности человека (ср.: Lexik. d. Antike, s. v. Ethik, стр. 91). По Платону (Resp. VI, 509 B) и Аристотелю (EN, 1097 b, 6), высшее благо как совершенное, самодостаточное и единое стоит за пределами бытия. Аристотель считает благо целью всякого действия. Это высшая цель всех целей.

[57] Аристотель различает четыре кардинальные доблести: мужество, дисциплина (этические доблести) и

сила, красота, острота ума) и внешние блага (богатство, власть, успех, дружба).[58] Соответственно Аристотель различает отдельные высокие качества души — дианоэтические и этические доблести (как части единой доблести).

У Платона (и уже у досократиков) появляется мысль о том, что совершенство (высшее благо) состоит в оформленности и в упорядоченности. Благу противостоит зло, которое можно определить как нечто абсолютно бесформенное и неупорядоченное (затем как материю). Аристотель и перипатетики понимают эту бесформенность как 'лишенность, отсутствие' (στέρησις) и определяют зло как чистое отсутствие добра.[59] Зло (порок) коренится либо в аффектах, либо в самом разуме. В одном случае оно — преодоление разума, в другом — несовершенство самого разума.

ЭТИКА ФЕОФРАСТА И ЕГО «ХАРАКТЕРЫ»

Вслед за Аристотелем Феофраст считал высшим принципом этики жизнь соответственно природе.[60]

мудрость, искусность (умение) (дианоэтические доблести) (ср.: Lexik. d. Antike, s. v. Ethik, стр. 90).

[58] Ср.: Lexik. d. Antike, s. v. Ethik, стр. 92. Человек может распоряжаться только душевными благами, но не внешними (богатство, успех, власть от него не зависят).

[59] См.: Lexik. d. Antike, s. v. Böse, стр. 254.

[60] См.: H. v. Arnim. S. B. Akad. Wien, 1926, Bd. 203, 3, стр. 161.

Высшее благо (εὐδαιμονία, 'благодолие'), образующее неделимое целое, раскрывается в доблестях и обусловлено обладанием доблестями, телесными и внешними благами. Евдемония — лучшая форма жизни, диаметрально противоположная худшей форме (κακοδαιμονία). Последняя порождена пороками[61] (κακίαι) и не имеет ценности; «правильному» человеку (σπουδαῖος ἀνήρ) ее следует избегать.[62]

Человеческая жизнь как целое определяется высшей ценностью (благом, как некоей нормой). Человек может и должен[63] среди многих образов жизни (βίοι) выбирать наилучший.

---

[61] Пороки — это врожденные свойства людей, подлежащие исправлению, доблести же не даны ни богами, ни природой, а приобретаются самим человеком.

[62] φευκτὸς βίος (см.: H. v. Arnim. S. B. Akad. Wien, стр. 92). Какодемония усиливается еще от чрезмерного стяжательства имущества и внешних благ (ibid.).

[63] От самого человека зависит, желает ли он поступать хорошо или дурно, так как он обладает свободой принимать решение в силу выбора между обдуманными возможностями (προαίρεσις, ср.: В. Виндельбанд. История древней философии. СПб., 1912, стр. 234). Путем выбора правильной середины между крайностями человек укрощает свои страсти, достигает доблести и становится «правильным» человеком (σπουδαῖος ἀνήρ, ср.: Lexik. d. Antike, s. v. Ethik, стр. 95). Аристотель учил о выборе «правильного» образа жизни (βίος), анализируя соотношение «характера» (ἦθος) с поступками и переживаниями. Об этом трактовали также платоники Ксенократ, Гераклид Старший и Стратон (см.: Diog. Laert. V, 87) и сам Феофраст в не дошедшем до нас сочинении «Об образах жизни» (περὶ βίων) (ср.: F. Leo. Griech.-römische Biographie, стр. 98).

Перипатетическая этика рекомендовала частному человеку (δημότης), в противоположность государственному мужу или полководцу, либо «быть ученым (или учителем), ведя жизнь „созерцательную“, либо вести „среднюю жизнь“ воспитателя (главы философской или грамматико-риторической школы)».[64]

Для Феофраста идеальной нормой являлась «созерцательная» жизнь ученого-философа,[65] которую он и сам вел (не вмешиваясь в политическую жизнь своей второй родины — Афин).[66] Реальный же мир для него (как и для других философов-идеалистов) остается миром зла и всего «низменного», а «большинство людей — порочны»,[67] так как их свойства — это врожденные пороки.

Изображение этого «низменного» реального мира в эллинистическое время в литературе дается в ироническом плане.[68] Философ же (как и врач) должен прежде всего изучить пороки реального мира и поставить диагноз болезни. Феофраст, подобно естествоиспытателю, изучает человека (его свойства) как вещь, как чужое «я». Вслед за Аристотелем он стремится для

---

[64] ἢ τὸ θεωρητικὸν (sc. σχῆμα διαγωγῆς) ἢ μέσον παιδευτικόν (ср.: H. v. Arnim. S. B. Akad. Wien, 1926, Bd. 204, 3, стр. 90).

[65] θεωρητικὸς βίος, например Сократа, Пифагора или Анаксагора.

[66] См. выше, стр. 54, сноска 19.

[67] Ср.: Diog. Laert. I, 87.

[68] См.: И. М. Тронский. История античной литературы, стр. 210.

каждого единичного явления установить его «непреходящую» сущность,[69] которая есть вместе с тем причина меняющихся состояний (τὰ συμβεβηκότα) и человеческого поведения. Человеческие свойства (пороки) Феофраст классифицирует и группирует по основному свойству (пороку), причем каждому свойству соответствует определенный носитель (тип), человеческий характер.[70] Человек проявляется, в глазах Феофраста, в своих повседневных поступках (в том, как он себя держит, как носит одежду, общается с другими людьми).[71] Каждому душевному свойству соответствует свой «стандартный» поступок в жизни [под жизнью же (βίος) в эту эпоху разумеется частный быт в противоположность политической жизни].[72] В IV в. поведение человека в частном быту является уже типичным. Поэтому предмет исследования Феофраста — частный, обыденный человек (мелкий афинский обыватель).

---

[69] Человеческая личность, понятая объективно как чужое «я», — это характер, неподвижно застывший пластический облик, маска. Лицо «живет», а маска «пребывает». Маска дает облик лица «как полный набор и специфическое чередование выпуклостей и впадин в единожды напечатленном и навечно застывшем отпечатке печати (χαρακτήρ)» (см.: С. С. Аверинцев. Греческая литература и ближневосточная «словесность», стр. 218).

[70] См.: О. М. Фрейденберг. Характеры Феофраста, стр. 131.

[71] Эти поступки и слова уже заменяют маску наружности (там же, стр. 139).

[72] См.: И. М. Тронский. История античной литературы, стр. 210.

Аристотель вместе с учениками изучал жизнь общества и отдельных личностей. В результате этих штудий под его именем (или под именем Феофраста) появились сочинения: «Об обычаях» (или «О нравах», Περὶ ἠθῶν), «Политические обычаи» (Πολιτικὰ ἔθη) и др. Сюда же относятся и Феофрастовы «Этические характеры»[73] — 30 кратко набросанных типов человеческого поведения, уже подготовленных подобными трудами (описание нравов — этология) самого Аристотеля.

«Характеры» (типы) Феофраста — лишенные индивидуальности носители отвлеченных душевных свойств (пороков), принадлежащие к низшим и средним слоям рабовладельческого общества. Это торговцы, ростовщики, прихлебатели, завсегдатаи рынка, зажиточные крестьяне, представители старой земельной аристократии и демократы — сторонники утраченной политической свободы и пр.[74] Эти отдельные характеры в совокупности дают яркую картину быта и нравов афинского общества конца IV в. до н. э.

Каждый характер (в духе Аристотеля) начинается с определения (дефиниции).[75] В нем

---

[73] F. Leo. Griech.-römische Biographie, стр. 95.

[74] См.: О. М. Фрейденберг. Характеры Феофраста, стр. 139. Всех их Феофраст рисует одинаково отрицательно. Женщин и рабов Феофраст не изображает.

[75] По Аристотелю, в дефиниции (как логической форме определения понятий) раскрывается «сущность» вещей (определяется отношение общего к частному).

дается моральная оценка свойства (порока).[76] Затем следует иллюстрация:[77] данный характер помещается в различные жизненные ситуации. «То, что человек есть „брюзга“ или „льстец“, мыслится столь же наглядно и объективно, как его рост или форма его носа».[78]

Феофраст изображает по преимуществу резко выделяющиеся (исключительные) характеры, которые легко обрисовать, но умеет также различать в человеческой душе и более тонкие характерологические черты.[79]

---

[76] А именно: вредно ли оно или просто неприятно, действует ли его носитель из выгоды или бескорыстно. Все 30 характеров построены по одной и той же грамматической схеме: «Такое-то качество (следует его определение per genus proximum et differentiam specificam) и обладающий им человек это тот, кто может. . .» (следует длинный ряд соединенных союзом «и» инфинитивных предложений, характеризующих поведение этого человека в той или иной жизненной ситуации). Такая структура «Характеров» дает право О. Наварру утверждать отсутствие в них композиции (см.: O. Navarre. Théophraste et La Bruyère. Revue des Études Grecques, 1914, v. XXVII, стр. 427), а А. Кёрте (Χαρακτήρ, стр. 78) говорить о «мозаикообразном нанизывании материала» как принципе изображения у Феофраста. По О. Наварру, «Характеры» — это просто собрание моральных фактов, нанизанных беспорядочно и случайно (ср.: O. Navarre. Théophraste et La Bruyère, стр. 427).

[77] В иллюстративной части человек показан как носитель данного свойства: его слова и поступки демонстрируют проявляющиеся в них душевные качества.

[78] С. С. Аверинцев. Греческая литература и ближневосточная «словесность», стр. 219.

[79] Ср.: O. Navarre. Théophraste et La Bruyère, стр. 404. Например, ироник (характер I) приближается

Все изображенные Феофрастом характеры делятся на несколько категорий. Так, некоторые характеры (например, скупой, льстец, трус, вестовщик и др.) — так называемые вечные типы — отображают нечто непреходящее в человеческой натуре, а другие — нечто преходящее (таковы характеры XXIX и XXVI, отражающие общественную действительность в Афинах конца IV в.).

Наряду с этими «политическими» характерами стоит несколько «специальных» типов — представителей горожан (характеры VI, XI, XXI — представитель афинского снобизма, типично афинский характер).[80] Тип зажиточного крестьянина, выступавшего уже как герой-бомолох в древней комедии,[81] изображен в характере IV.

В обрисовке некоторых характеров Феофраста заметно стремление к индивидуализации путем членения отдельных типов. Так, характеры скупца и болтуна даны не только в общих чертах, но расчленены на их разновидности (что, однако, не приводит к пониманию индивидуальных характеров).[82]

у него к сократовской иронии, а суетливый (характер XIII) обнаруживается как «вздорный» и «чересчур хлопотливый».

[80] Ср.: O. Navarre. Théophraste et La Bruyère, стр. 404. Сторонник олигархии — любитель «старого доброго времени», а друг негодяев — бесстыдно льстящий народу и продажный вожак городской черни.

[81] У Аристофана это Дикеополь («Ахарняне»), Стрепсиад («Облака») и Тригей («Мир»).

[82] Ср. характеры III, VII, VIII и IX, X, XXII, XXX. Нам, однако, трудно себе представить эти от-

ВРЕМЯ ВЫХОДА В СВЕТ «ХАРАКТЕРОВ»

О времени выхода в свет «Характеров» мы можем судить только по косвенным данным, исходя из самого памятника.

Так, в характерах XXIII и VIII упоминаются события между смертью Александра Македонского (лето 323 г.) и смертью Антипатра (первая половина 319 г.). Сцена, изображенная в характере XXIII, по всей вероятности, могла произойти только во второй половине 319 г., когда в Афинах было олигархическое правительство, установленное Антипатром. С другой стороны, другие характеры предполагают в Афинах демократическое правление. Таким образом, мы имеем только terminus post quem, и поэтому дата выхода в свет «Характеров» может быть определена лишь приблизительно: после 319 г.[83]

ЦЕЛЬ НАПИСАНИЯ «ХАРАКТЕРОВ», ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР И СВЯЗЬ С АРИСТОТЕЛЕМ И НОВОЙ КОМЕДИЕЙ

Относительно первоначальной цели написания «Характеров», их жанра и связи с сочине-

---

дельные типы (ср.: A. Körte. Χαρακτήρ, стр. 78). В более сильной степени типы индивидуализированы у Менандра (что указывает на тесную связь Менандра с Феофрастом; ср.: Ibid.).

[83] Ср.: C. Cichorius. Die Abfassungszeit von Theophrasts Charakteren. Leipzig, 1897, стр. LVII; RE, s. v. Theophrastos, стб. 1510—1511.

ниями Аристотеля были высказаны различные предположения.[84]

Уже первый комментатор «Характеров» знаменитый Казобон указал на связь этого произведения с новой комедией Менандра,[85] усмотрев в них объяснение комедийных масок. Теоретические наблюдения Феофраста, бесспорно, идеологически связаны с художественными задачами новой комедии. Примеры, привлекаемые Феофрастом для иллюстрации отдельных черт его типов, не всегда берутся из жизни; иногда они приходят из литературы, как реальные бытовые фигуры, художественно обработанные в новой комедии.[86]

Крупнейший немецкий ученый конца XIX— начала XX в. У. Виламовиц совершенно отрицал литературный характер труда Феофраста. Цель «Характеров», по мнению Виламовица:

---

[84] В Византийскую эпоху «Характеры» служили, по-видимому, школьным учебником, из которого извлекалась «прописная» мораль. По мнению Дильса, текст памятника уже в то время подвергся искажению, чем и объясняется теперешнее плачевное состояние рукописного предания (огромное количество интерполяций) (ср.: RE, s. v. Theophrastos, стб. 1503). Особенно много искажений в дефинициях и концовках (например, характеры I, II, III, VI, VIII, XXVII и XXIX).

[85] Эту связь не следует понимать как непосредственную зависимость Феофраста от комедии: речь может идти только об одинаковой жизненной основе и об одинаковых психологических интересах к наблюдению над человеческим поведением (ср.: RE, s. v. Physiognomik, стб. 1072).

[86] Ср.: История греческой литературы. М., 1960, т. III, стр. 19.

1) узнать, как люди остаются теми же в их слабостях, 2) нарисовать картину ежедневной жизни Афин ок. 320 г. до н. э.[87]

Исходя из того, что Феофраст был ближайшим учеником и последователем Аристотеля (в его руках после смерти Аристотеля оказалось все научное наследие учителя), большинство современных ученых указывают на связь «Характеров» с различными сочинениями Аристотеля или с другими (не дошедшими до нас) трудами самого Феофраста.

Так, по Целлеру, «Характеры» представляют собою эксцерпт из этических произведений самого Феофраста или его сочинения «О комедии» (Περὶ κωμῳδίας).[88] Петерсен считает «Характеры» эксцерптом из Феофрастова же сочинения «О нравах» (Περὶ ἠθῶν).[89] Для Гомперца отношение «Характеров» к «Этике» аналогично отношению «Политий» Аристотеля к его «Политике».[90] Некоторые ученые считают «Характеры» не особой книгой, а просто сборником примеров. Так, для О. Иммиша это сборник школьных примеров для риторического употребления, а для Пасквали — сборник примеров для лекций по феноменологии нравов.[91] По мнению

[87] Феофраст писал не для публики. Характеры — это только конспективные наброски с натуры (ср.: U. v. Wilamowitz-Moellendorff. Griech. Lesebuch, II. Erläuterungen. 2. Hlb. Berlin, 1902, S. 302—303).

[88] Против этого возражал Т. Гомперц (ср.: RE, s. v. Theophrastos, стб. 1503).

[89] Ibid., стб. 1507.

[90] Ibid.

[91] Ibid., стб. 1508.

О. Наварра, «Характеры» — иллюстрирующее приложение (appendice) к труду по теоретической этике, рано ставшее отдельной, независимой книгой.[92] Наконец, Ростаньи полагает, что «Характеры» принадлежат к области поэтики.[93] Таким образом, «Характеры» как этологическое (нравоописательное) сочинение могут принадлежать к области этики, поэтики и даже риторики.[94]

Что касается литературного жанра «Характеров», то, если это произведение было издано отдельной книгой (чего мы не знаем), оно больше всего подходит к жанру «Записок» (Ὑπομνήματα), содержавших экскурсы, дополнения и иллюстрирующие примеры к какому-нибудь большому произведению.

Твердо устанавливается только связь содержания «Характеров» с сохранившимися этиче-

---

92 Ibid. Э. Роде, напротив, не считает «Характеры» связанными с какой-либо теоретической этикой (см.: E. Rohde. Der Griech. Roman.[2] Leipzig, 1902, стр. 267, прим. 1).

93 Ср.: RE, s. v. Theophrastos, стб. 1508. «Характеры», по Ростаньи, — это дополнения к «Поэтике» самого Феофраста (примыкающие к Аристотелевой «Поэтике», см.: Arist. Poet., VI, 1450a, 9—10). Содержание «Характеров» — это описание порочных людей (φαῦλοι) в аристотелевском смысле (ibid., V, 1449, 39 сл.). Ростаньи предполагает, что Феофраст в pendent к порочным написал также и серию добродетельных характеров (σπουδαῖοι) (ср.: RE. s. v. Theophrastos, стб. 1508). Против такого предположения возражает О. Наварр.

94 Уже Аристотель включил в свою «Риторику» этюд по этологии (описанию нравов).

скими произведениями Аристотеля[95] и с физиогномикой.[96]

Прежде всего бросается в глаза сходство дефиниций Феофраста с аристотелевскими[97] (а также с псевдоплатоновыми дефинициями).

Далее можно отметить, что стилистически и по содержанию «Характеры» стоят в связи с «Никомаховой этикой» и с «Большой этикой».[98] Особенно важно сходство описаний Феофраста с неразвитыми (рудиментарными) описаниями Аристотеля.[99]

---

[95] Феофраст знал и использовал все три этических произведения своего учителя (ср.: H. v. Arnim. Rhein. Mus., 1927, LXXVII, 3. H., стр. 230 сл.).

[96] Связь «Характеров» с псевдоаристотелевскими сочинениями «Физиогномика» и «О доблестях и пороках» не идет дальше сходства в употреблении отдельных слов и понятий (ср.: RE, s. v. Physiognomik, стб. 1064), но зато стилистически произведение Феофраста более тесно примыкает к сочинениям подобного рода (см.: О. М. Фрейденберг. Характеры Феофраста, стр. 140). Что касается перипатетической литературы περὶ βίων («Об образах жизни»), то ввиду того, что она не сохранилась, трудно судить о ее связи с «Характерами».

[97] Что и естественно для Феофраста как ученика Аристотеля (ср.: RE, s. v. Theophrastos, стб. 1505).

[98] Ibid.

[99] Хотя Аристотель и ограничивается общим, типическим (в этических трудах), но у него встречаются и конкретные примеры-иллюстрации (правда, в неразвитом виде) из обыденной жизни, истории, мифологии. Так, аристотелевское описание μεγαλόψυχος и μεγαλοπρεπής напоминает манеру Феофраста (и стилистически родственно ему, ср.: RE, s. v. Theophrastos, стб. 1505). Ср. примеры из обыденной жизни (ὁ θρασύς и ὁ δειλός) у Аристотеля (EN, 1122b, 33—1123a, 18). Ср. также

Хотя Феофраст, несомненно, следовал за Аристотелем, но манера и стиль «Характеров» не вытекают из сухого, строго научного стиля Аристотеля (Kathederstil). Феофраст старался придать своим типам наглядность. Он изображал мир афинских обывателей в ироническом плане, не чуждаясь легкого юмора, и создал замечательное литературное произведение.

Некоторую аналогию «Характерам» представляет также произведение эпикурейца Филодема (ок. 110—40-35 гг. до н. э.) «О пороках» (Περὶ κακιῶν), сохранившееся на геркуланумских папирусах, в основе которого лежит труд Аристона Хиосского (III—II в. до н. э.). Аристон писал на темы, близкие Феофрасту, в своеобразной полунаучной, полухудожественной манере.[100] У Филодема, однако, весь иллюстрирующий материал (историческая часть и анекдоты) опущен. Оригинал Аристона, как думают, был гораздо полнее. Аристон не описывал в абстрактной форме определенные порочные характеры, но давал как раз их конкретные жизненные формы, возникающие в соединении с другими порочными чертами харак-

---

стилистическое введение характерных черт в духе Феофраста у Аристотеля (EN, 1124b, 9 и 1125a, 11). Более точные соответствия в мотивах и стиле находим в описании Аристотелем бахвала и бомолоха (EN, 1127a, 13 и 1127b, 33).

100 См.: О. М. Фрейденберг. Характеры Феофраста, стр. 133.

тера, т. е. изображал такие же жизненные типы, как и Феофраст.[101]

Интересно отметить влияние Феофраста на автора новой комедии Менандра (бывшего учеником философа). Менандр заимствовал у Феофраста способ изображения характеров (нанизывание отдельных мелких черт), стремясь к большей их индивидуализации. Так, в комедии Менандра «Брюзга» в образе главного героя Кнемона объединяются отдельные черты нескольких типов Феофраста: грубияна (XV), неотесанного (IV), крохобора (X), несносного (XX), подозрительного (XVIII). Не случайно четыре комедии Менандра названы по характерам Феофраста. Это «Неотесанный» (IV), «Подозрительный» (XVIII), «Суеверный» (XVI) и «Льстец» (II).[102]

Сжатый, отрывистый, почти конспективный стиль Феофраста производит впечатление нарочитого пренебрежения языковой формой и даже некоторой наивности. Часто повторяющиеся словечки и термины, скопление глаголов или одинаково звучащих слов, характерная склон-

---

[101] Ср.: RE, s. v. Theophrastos, стб. 1508. Относительно того, каким был оригинал Аристона, возможны, конечно, лишь предположения.

[102] Ср.: A. K ö r t e. Χαρακτήρ, стр. 78; К. П о л о н с к а я. Эллинистическая драма. — В кн.: М е н а н д р. Комедии. М., 1964, стр. 20. Менандр первым применил слово «характер» как обозначение индивидуальной особенности отдельного человека:

Характер мужа в речи можешь распознать.

(frg. 66 Kock)

ность к сложным словосочетаниям (типа μικρολόγοι)[103] отличают стиль Феофраста. Такой стиль можно объяснить либо искажениями и сокращениями (которые памятник, быть может, претерпел уже в Византийскую эпоху), либо тем, что книга, представлявшая заметки или конспект лекций, вовсе не предназначалась автором к изданию.

РУКОПИСНОЕ ПРЕДАНИЕ И СУДЬБА «ХАРАКТЕРОВ» ФЕОФРАСТА В НОВОЕ ВРЕМЯ

В Византийскую эпоху «Характеры», по-видимому, усердно читались в школах, и потому сохранилось 60 рукописей этого произведения. Все эти рукописи, однако, дошли до нас в очень плохом состоянии: со множеством искажений, вставок и следами сокращений.

На Запад рукописи Феофраста попали в эпоху Возрождения и сразу же привлекли внимание гуманистов.

Первое печатное издание памятника принадлежит Пиркхеймеру (Нюрнберг, 1527 г. по рукописи Пико делла Мирандола). В 1531 г. Анджело Полициано перевел «Характеры» на латинский язык, сделав их таким образом достоянием широкого круга ученых.

Знаменитый французский филолог И. Казобон (1559—1614) впервые дал замечательный комментарий памятника, указав на связь его

---

[103] Ср.: О. М. Фрейденберг. Характеры Феофраста, стр. 140; RE, s. v. Theophrastos, стб. 1490.

с комедией Менандра. Однако только после появления французского перевода «Характеров» Лабрюйера (1687) и написанной по образцу Феофраста его книги «Характеры или нравы этого века» книга Феофраста стала достоянием всего европейского культурного мира.

* * *

Ввиду того что последнее издание «Характеров» (P. Steinmetz, 1960) осталось переводчику недоступным, в основу настоящего перевода положено издание: Théophraste. Caractères. Traduct. par O. Navarre. Paris, 1920.

Переводчик использовал также следующие переводы и комментарии «Характеров»:

1. В. Алексеев. Теофраст. Характеристики. СПб., 1893.
2. Перевод под ред. О. М. Фрейденберг. — Ученые записки ЛГУ, Серия филол. наук, 1941, № 63, в. 7.
3. В. Смирин. Теофраст. Характеры. — В кн.: Менандр. Комедии. М., 1964.
4. Theophrasts Charaktere. Herausgg., erklärt u. übersetzt von d. philolog. Gesellschaft zu Leipzig. Leipzig, 1897.

Г. А. Стратановский

ПРИМЕЧАНИЯ

В рукописях «Характеров» Феофраста сохранилось «Предисловие» неизвестного автора, по-видимому, Византийской эпохи. Некоторые «Характеры» (I, II, III, VI, VIII, XXX) сопровождаются морализирующими эпилогами, составленными также каким-то византийцем (ср.: Théophraste. Caractères. Traduct. par O. Navarre. Paris, 1920, стр. 9—10). Поэтому мы не включаем «Предисловие» и эпилоги, как не принадлежащие Феофрасту, в текст и даем их в примечаниях.

Предисловие

(1) Когда мне в прошлом уже приходилось размышлять над этим предметом, я нередко с удивлением задавал себе вопрос (да, пожалуй, и впредь не перестану удивляться): почему же это в нашей Элладе, несмотря на одинаковый климат и одни и те же условия воспитания для всех эллинов, существует такое различие в характерах людей. (2) Ведь уже с давних пор я наблюдаю, Поликл, человеческую натуру: я прожил 99 лет, и мне пришлось общаться со многими людьми самого разного характера. После того как я со всей тщательностью сравнил людей добродетельных и порочных, я счел нужным описать, как те и другие ведут себя в жизни. (3) Я представляю тебе различные типы характеров, присущие этим людям, и расскажу, как они управляют своими поступками. Полагаю, Поликл, что

сыновья мои благодаря этим заметкам (которые я им завещаю) станут лучше и, найдя в них поучительные примеры, захотят жить и общаться только с самыми почтенными людьми, чтобы не быть ниже их. (4) Теперь я перейду к самой теме моих заметок, а ты со вниманием послушай и реши, правильно ли то, чтó я говорю. Сначала опишу людей, приверженных к иронии, причем обойдусь без вступления и пространных пояснений. (5) Начну с иронии и дам ее определение. Затем опишу ироника, что он собой представляет и как проявляет себя. Затем постараюсь также привести в ясность согласно моему плану одно за другим и остальные душевные свойства.

«Предисловие» написано в напыщенном и местами наивном тоне, резко отличающемся от непринужденной и безыскуственной стилистической манеры Феофраста. Кроме того, в нем содержится несколько грубых промахов и оплошностей (например, о единообразии климата Эллады и об одинаковых условиях воспитания в этой стране), невозможных для эпохи Феофраста. Автор «Предисловия» сообщает о себе, что он прожил 99 лет, что также не соответствует возрасту Феофраста, который, по Диогену Лаэртию (V, 2, 40), дожил до 85 лет. Кто такой Поликл, к которому обращено «Предисловие», неизвестно.

I. Ирония

[1] По учению перипатетиков, «ирония — это притворство в сторону умаления» (Arist. EN, 1108a, 19: προσποίησις ἐπὶ τὸ ἔλαττον), т. е. качество, противоположное бахвальству (ἀλαζονεία). Ироник действует не только ради выгоды. Он подавляет свои собственные чувства — ненависть, злорадство, негодование, отрицает свои действия и намерения (4, 5) и разочаровывает ожидания других (3, 4, 5). В другом месте «Этики к Никомаху» (IV, 13, пер. Э. Л. Радлова) Аристотель говорит: «Ироничные люди, умаляющие в своих речах, являют

характер более приятный, ибо ведь они ведут речь не ради выгоды, а чтобы избежать напыщенности; они особенно умаляют в себе все славное, как например делал Сократ». Перипатетик Аристон считал иронию заносчивостью (ὑπερηφανία), полагая, что мнимое самоумаление ироника основано на высокомерии (ср.: O. Ribbeck. Eiron. — Rheinisches Museum, XXXI, стр. 395 сл.). Для него ироник — разновидность бахвала (ἀλαζόνος εἶδος: ibid.), а внешне он похож на льстеца (κόλαξ).

[2] Ироник скрывает враждебность к своим недоброжелателям. Он встречает клеветников с надменным спокойствием и держит себя так же, когда ему приходится иметь дело с реальными противниками, например, в общественной жизни. Уже О. Риббек высказал мнение (Eiron, стр. 392 сл.), что Феофраст здесь имел в виду поведение Сократа при постановке комедии Аристофана «Облака», на суде и по отношению к противникам-софистам. Ироник относится со спокойным безразличием к чужому горю (3), люди обиженные оскорблены таким его отношением, а он избегает открыто стать на чью-либо сторону. Некоторые черты иронии (например, недоступность для настойчивых посетителей) напоминают высокомерного (ср. характ. XXIV, (2), (11); ср.: Theophrasts Charaktere. Leipzig, 1897, стр. 4 сл.).

[3] О своих собственных делах ироник предпочитает умалчивать, мнимая нерешительность — только маскировка его намерений.

[4] В подлиннике: ἐρανίζειν 'приглашать к участию в складчине'. Складчина (ἔρανος) — нечто вроде товарищества или кассы взаимопомощи. Члены таких товариществ (ἐρανισταί) вносили известные суммы и потом получали из общей кассы ссуды, которые шли на разные торговые операции или на выкуп из плена, из рабства и т. п. (ср.: RE, s. v. Eranos, стб. 324 сл.).

[5] В тексте пропуск, который восполняют приблизительно так: «... дает щедро, но при этом приговаривает, что он, мол, не денежный человек». Ироник не корыстолюбив.

[6] В рукописях Феофраста далее идет следующий

византийский эпилог: «Такие вот языковые выверты и двусмысленные фразы можно ожидать от ироника. Характер его не прямой, а исполненный коварства. Таких людей следует бояться пуще змей».

II. Льстивость

[1] По определению Аристотеля (EN, II, 7, 1108a), угодливый (ἄρεσκος) и льстец (κόλαξ) — суррогат друга (φίλος). С другой стороны, лесть (κολακεία) и враждебность (ἀπέχθεια) — крайность дружбы (EN, II, 3, 1221a, 7). Близким к характеру льстеца является угодливый (см. характ. V). Льстец всегда действует из корыстных побуждений, а угодливый льстит просто из желания нравиться. По словам Аристотеля (EN, V, 1126b, 2), «угодливыми кажутся те, кто в обхождении и в общении словами и поступками соглашаются со всеми, хваля все ради удовольствия и ни в чем не возражая, но полагают, что нужно быть для всякого встречного необременительным». В эпоху Феофраста культурный и литературный тип льстеца (прихлебателя) достиг высшего развития под воздействием придворных нравов в Македонии и у диадохов. Афиняне под властью Деметрия Полиоркета стали «льстецами льстецов». К этому времени относится и знаменитая комедия Менандра «Льстец» (Κόλαξ), «где дан литературный тип льстеца-прихлебателя» (ср.: Theophrasts Charaktere. Leipzig, 1897, стр. 12). В аттическом быту тогда уже существовал институт постоянных «друзей», льстецов и нахлебников, называвшихся параситами; их традиционно приглашали к чужому столу (см.: Б. Л. Галеркина. Типаж льстеца и болтуна. — Ученые записки ЛГУ, Серия филол. наук, 1941, № 63, в. 7, стр. 166).

[2] Льстец показан сначала как спутник лица, перед которым он пресмыкается и у которого, вероятно, живет в качестве парасита (буквально «нахлебника»). Прихлебатель в комедии носит большей частью те же черты, однако не ставит себя на одну доску с «хозяином».

[3] Портики — крытые галереи с колоннами на городском рынке в Афинах. Самая известная галерея — это «Пестрый портик», расписанный знаменитым Полигнотом и другими художниками. Под портиками, как и на рынке, собирались городские сплетники и праздные болтуны.

[4] В подлиннике κροκύς 'волокно', 'пушинка'. Отсюда типичное занятие для паразитов 'снимание пушинок' (κροκυλεγμός) как знак подобострастия. Впоследствии это выражение вошло в пословицу и встречается уже у Аристофана (frg. 657; ср.: Suda, s. v.).

[5] Выражение из аттической разговорной речи (ср. Aristoph. Av., 767), можно приблизительно передать: «Знатная порода сама за себя говорит».

[6] В подлиннике ἐπικρηπῖδες 'верхние старые сапоги', которые надевались (как наши галоши) поверх сандалий.

[7] На женском рынке в Афинах продавались различные товары для женщин (галантерея, парфюмерия и украшения). Мужчины туда редко заходили.

[8] Далее в рукописях Феофраста следует эпилог византийского времени: «В общем, можно видеть, как льстец говорит и делает все то, чем он думает угодить».

III. Пустословие

[1] Феофраст строго различает пустослова (ἀδολέσχης), болтуна (λαλός) и вестовщика (λογοποιός) (см. характ. VII и VIII). Пустослов словоохотлив, назойлив, но безобиден. Аристотель (EN, III, 13, 1117b, 33) говорит: «Людей словоохотливых, любителей россказней и болтунов, целыми днями докучающих встречным, мы не считаем наглецами (ἀκολάστους)». Пустослов лишь нудно твердит банальные истины или повторяет (с чужих слов) никому не интересные новости. Болтун, напротив, воображает, что все знает лучше всех, и уверен в своем ораторском таланте. В самой неподходящей обстановке он начинает нелепое словоизвержение, причем сам восхищается собственным красноречием. Пустослов не может остановиться, а болтун перебивает собеседника вопросами, ища повод для дальнейшей болтовни.

[2] Городские (ἐν ἄστει), или Великие, Дионисии — афинский праздник в честь бога Диониса, введенный Писистратом, справлялся в месяце элафеболионе (март—апрель) в течение 5 дней (с 9 по 13 число). Это был радостный и веселый праздник победы весны над зимой, света над тьмой. В торжественной процессии переносили древнюю статую бога Диониса в храм, стоявший близ Академии. Впоследствии существенной частью праздника стали театральные представления (дифирамбические и драматические состязания). В конце февраля—начале марта зимние бури на море кончались и открывалась навигация.

[3] Дамипп — лицо неизвестное. Быть может, это тот Дамипп, против которого выступил с (не дошедшей до нас) речью знаменитый оратор Гиперид.

[4] Элевсинские мистерии совершались в честь богинь Деметры и Персефоны в месяце боэдромионе (вторая половина сентября—первая половина октября) в течение 10—12 дней. В мистериях могли принимать участие только посвященные (мисты), которые подвергались перед посвящением обрядам «культового очищения» (κάθαρσις). Посвященные в мистерии получали надежду на счастливую жизнь после смерти. Факел в мистериальном культе имел «очистительное» (катартическое) значение. Быть может, Дамипп исполнял в элевсинских таинствах почетную культовую должность факелоносца (δᾳδοῦχος) и в качестве такового поставил перед святилищем Деметры и Коры (Персефоны) факел (ср.: L. Deubner. Attische Feste. Berlin, 1966, стр. 78).

[5] Одеон — здание, построенное Периклом в 445 г. для массовых музыкальных представлений. Его квадратный зал, покрытый тентом (размером 60×60 м), был самым большим крытым помещением в классической Греции (Plut. Pericl., 13). Одеон находился на юго-западной стороне Акрополя и был разрушен еще во время Митридатовой войны (I в. до н. э.).

[6] Апатурии — общеионийский праздник в честь Афины и Гефеста — справлялись в Афинах в течение 3 дней в месяце пианепсионе (вторая половина октября—первая половина ноября). Это был праздник родовых союзов (фратрий), главным образом социаль-

ного и политического характера. Члены фратрий — молодые мужья — приносили сообща жертвы Зевсу и Афине и записывали своих жен и детей в списки фратрий. Праздник сопровождался состязанием мальчиков в декламации поэтических произведений.

[7] Сельские (κατ' ἀγρούς), или Малые, Дионисии — праздник в честь бога Диониса — справлялись в месяце посидеоне (декабрь—январь) отдельными аттическими демами (округами). Существенной частью праздника была торжественная фаллическая процессия (πομπή). Это был веселый праздник деревенской молодежи карнавального характера с песнями, плясками, играми, насмешками, шутками и издевками над деревенскими властями. В празднике принимали участие даже рабы (по своему характеру этот праздник родствен святочному колядованию, описанному Гоголем в «Ночи перед рождеством»).

[8] В рукописях далее следует эпилог византийского времени: «От подобных людей следует бежать сломя голову, если хочешь избежать лихорадки. Нелегко ведь переносить людей, которые не способны различать, когда ты свободен и когда тебе недосуг».

IV. Неотесанность

[1] Феофраст подчеркивает, что не всякая невоспитанность или необразованность (ἀμαθία) есть неотесанность, а только та, которая проявляется непристойным образом (ἀσχήμων). Неотесанный имеет некоторые общие черты с бесстыдным (βδελυρός, характ. XI) и нечистоплотным (δυσχερής, характ. XIX), а также с назойливым (ἀηδής, характ. XX) и бестактным (ἄκαιρος, характ. XII). Бесстыдному свойственна непристойная манера шутить (παιδιὰ ἐπονείδιστος), а нечистоплотному — вызывающая отвращение телесная неопрятность (ἀθεραπευσία σώματος λύπης παρασκευαστική). От несносного и бестактного неотесанный отличается оттенком своего непристойного поведения. Несносный раздражает тупостью, а бестактный — неделикатностью, тогда как глупость неотесанного (деревенщины) вызывает только

смех (ср.: O. Ribbeck. Abhandl. Königl. Sächs. Ges. d. Wiss., 1888, XXIII, стр. 1 сл.).

[2] Кикеон (болтушка) — напиток, приготовлявшийся из смеси вина, меда, муки и тимьяна (дикой мяты), упоминается уже у Гомера (см.: Il., XI, 624 сл., Od., X, 234 сл.). Дикая мята (тимьян или чабрец) — *Thymbra capitata* — придавала напитку острый, пряный запах. Это было любимое питье аттических крестьян (Aristoph. Pax, 1169).

[3] Мирра — благовонное растительное масло, ввозилось в Афины с Востока и применялось как лекарство и в парфюмерии. В народном собрании неотесанный шокирует соседей городского воспитания, привыкших душиться миррой, своими деревенскими манерами, постоянным рыганием, а главное тем, что от него всегда разит одуряющим запахом дикой мяты.

[4] Ношение сапог большего размера (не по ноге) и зычный голос — один из признаков неотесанного деревенщины (ср.: Cicer. de orat., III, 61, 227), так же как и питье неразбавленного вина (9).

[5] Текст испорчен.

[6] Архий — быть может, фиктивное имя какого-то торговца соленой рыбой. Богатые люди покупали свежую рыбу на рыбном рынке (ср.: Aristoph. Ran., 1068), а бедняки довольствовались более дешевой соленой (или вяленой) рыбой (ср.: H. Blümner. Griech. Privataltert. Freiburg, 1882, стр. 227).

V. Угодливость

[1] По Аристотелю (EN, XII, 1126b, 11), противоположностью угодливым (обходительным) являются люди брюзгливые (δύσκολοι) и сварливые (δυσέριδες) (о близости угодливого к льстецу см. выше, характ. II, прим. 1).

[2] В третейские судьи в Афинах тяжущиеся стороны выбирали двоих судей, а третьего уже назначали эти двое. Решение третейского суда не подлежало обжалованию.

[3] Дети и женщины обычно не ели вместе с гостями.

[4] Собственно, 'мех'. Имеется в виду какая-то неизвестная нам детская игра. Быть может, нечто вроде «игры в пальцы», где нужно быстро угадать число показанных пальцев.

[5] Дальнейший текст этого характера (6—10) некоторые издатели (например, О. Наварр) переносят в конец характ. XXI. Другие считают его концом особой главы. Нам кажется, что для этого нет достаточных оснований.

[6] После походов Александра Македонского в Греции появилась египетская мода коротко стричь волосы и брить бороду. Частая смена верхней одежды и употребление парфюмерии (натирание благовонными мазями) — также признаки тщеславия и желания нравиться.

[7] Гимнасии — места для физических упражнений. Это были комплексы спортивных сооружений с большим двором, беговой дорожкой, площадками и залами для борьбы и других видов спорта, раздевальнями, банями и пр. Эфебы — юноши, достигшие 18-летнего возраста и обязанные в Афинах до 20 лет нести военную службу на границах.

[8] В Афинах с V в. существовала коллегия 10 стратегов, высших должностных лиц, ведавших всеми военными делами. Стратегам (как это следует из данного места Феофраста) полагались особые почетные кресла на театральных представлениях.

[9] Собаки лаконской породы (помесь лисицы и собаки), вроде наших шпицев, очень ценились для охоты (ср.: Arist. HA, VIII, 607a, 3).

[10] Гиметт — гора в Аттике (совр. Трело-Вуни, Мавро-Вуни), славившаяся медом и месторождениями мрамора.

[11] Титир — короткохвостая обезьянка (или какая-то птица). Обезьян держали состоятельные афиняне дома для забавы. Голуби были священными птицами Афродиты. Их разводили для употребления в пищу и для культовых целей (принесение в жертву).

[12] Игральные кости из бабок ливийской газели очень ценились в качестве сувениров и подарков друзьям (ср.: Athen., V, 194a).

[13] Фурийские лекифы — круглой формы с узкой шейкой флаконы для духов и парфюмерии (благовоний). Фурии — город в южной Италии (Великой Греции).

[14] Лаконские кривые посохи — модные палки у афинской «золотой» молодежи, стремившейся во всем подражать спартанским обычаям (ср.: Aristoph. Eccl., 74; Plut. Nic., 19, 7).

[15] Занавес (полог, αὐλαία) или ковер, отделявший галерею с колоннами от двора перистиля.

[16] Софисты — платные учителя философии и риторики. Площадка — маленький усыпанный песком дворик для кулачных бойцов и выступлений философов.

[17] Палестры — школы физического воспитания молодежи.

VI. Отчаянность

[1] Отчаянность (ἀπόνοια), собственно, 'безрассудство', 'безумие', 'потеря рассудка' — нечто вроде нравственного недуга, который выражается скорее в потере чувства приличия, чем рассудка. От этого своего недуга отчаянный и совершает позорные поступки и заводит постыдные речи, а не ради шутки, как бессовестный (характ. XI), и не из корысти, как жадный (характ. XXX). Он не знает стыда и неспособен здраво рассуждать (ср.: Theophrasts Charaktere. Leipzig, 1897, стр. 51).

[2] Кордак — комический танец с непристойными телодвижениями. Отплясывать непристойный танец в трезвом виде считалось у древних признаком бестактности (ср. характ. XII, (13)), а выступать без маски в непристойных шествиях (κῶμος) — пределом бесстыдства (ср. Demosth. Or., 19, 287).

[3] Представления фокусников происходили под открытым небом. Продавец билетов (кассир) обходил толпившийся народ и продавал входные билеты (σύμβολα). Кассиру приходилось иногда вступать в перебранку

(и даже в драку) со зрителями, которые старались пройти даром, задержаться на второй сеанс или при выходе передать свои билеты знакомым. Должность такого кассира считалась позорной.

[4] Эти профессии считались недостойными свободного человека.

[5] Рукописное чтение сомнительно, перевод дан по общему смыслу.

[6] Всенародные празднества (πανηγύρεις) сопровождались торжественными шествиями в честь богов и обычно привлекали огромные толпы народа.

[7] Здесь имеется в виду «самоотвод под присягой», т. е. отказ от общественной повинности по болезни или по какой-либо другой уважительной причине.

[8] «Еж» — запечатанный сосуд с документами, подлежащими оглашению на заседании суда.

[9] Далее в рукописях следует византийский эпилог такого содержания: «Неприятны люди с бойким на ругань языком, которые так надрываются от крика, что им вторят рынок и лавки».

VII. Болтливость

В группе болтунов Феофраст различает четыре разновидности: пустослов (характ. III) — глупый; болтун (характ. VII) — краснобай; вестовщик, собиратель новостей и сплетен (характ. VIII); злоязычный (характ. XXVIII). Болтун — это человек тщеславный и самодовольный, он напористее пустослова, назойлив, бестактен и надоедлив, так что люди принуждены спасаться от него бегством (ср.: Б. Л. Галеркина. Типаж льстеца и болтуна. — Ученые записки ЛГУ, Серия филол. наук, 1941, № 63, в. 7, стр. 167).

[1] Начальные школы в Афинах существовали уже с VI в. В них обучались (только мальчики) гимнастике, элементам музыки, чтению, письму и счету.

[2] См. характ. V, прим. 17.

[3] Текст испорчен. Аристофонт — афинский архонт 330 г. до н. э. (Архонт — высшее должностное лицо, именем которого обозначался год). В его архонтство со-

стоялось «знаменитое состязание ораторов» — Демосфена и Эсхина — процесс «О венце», в котором победителем вышел Демосфен, произнесший свою замечательную речь «О венце». Далее текст испорчен: неясно, о какой битве идет речь. Быть может, о знаменитом сражении при Эгос-Потамой (закончившем Пелопоннесскую войну) или о битве Антипатра с лакедемонянами в 330 г.

[4] В подлиннике (ἐν ὑγρῷ) 'язык у него (плавает) в воде'.

VIII. Вестовщичество

[1] В этом характере дана замечательная жанровая картина из быта Афин после смерти Александра в начале эпохи диадохов. Неспокойные времена, быстрое возвышение и стремительное падение властителей при исключительном любопытстве и страсти к политике афинских обывателей вызвали к жизни множество подобных вестовщиков, сочинителей сплетен и слухов о «сильных мира сего». Быть может, Феофраст имел здесь в виду даже определенные личности и обстоятельства (нам неизвестные). Возможно, что ложные слухи о пленении Кассандра в самом деле тогда распространялись в Афинах. Вестовщик — демократ, политический противник правящей олигархической партии. Он пускает ложный слух о пленении Кассандра и распространяет по всему городу столь неприятную для властей новость. Он подходит к приятелю (который, очевидно, также сочувствует демократам), но не сразу выкладывает свои новости, делая вид, будто всем они давно уже известны. Только когда собеседник признается в своем неведении, вестовщик начинает задавать ему вопросы шепотом, с многозначительным видом и намеками, понятными собеседнику (ср.: Theophrasts Charaktere. Leipzig, 1897, стр. 65 сл.).

[2] В подлиннике: καταβαλὼν τὸ ἦθος: малопонятное выражение «изменив свой характер».

[3] Имя солдата, вероятно, пропало.

[4] Астий и Ликон — часто встречающиеся в Афинах имена. По-видимому, какие-то личности, никому не

известные, и поэтому проверить у них правильность слухов, конечно, невозможно.

[5] Полиперхон — друг Антипатра (полководца Александра и впоследствии регента), назначенный им в 319 г. наследником и правителем Македонии. Воевал с Кассандром, сыном Антипатра, в течение 10 лет (319—309). Трудно сказать, какой царь здесь имеется в виду, так как в этот период было три номинальных царя в Македонии: Александр IV (сын Александра и Роксаны), Геракл (сын Александра и Барсины) и Филипп-Арридей (323—317). Большинство исследователей считает, что упомянутый царь — Филипп-Арридей.

[6] Кассандр, сын Антипатра, после смерти отца (319 г.) бежал из Македонии и вскоре заключил с другими диадохами (Птолемеем, Антигоном и Лисимахом) союз против Полиперхона. При поддержке этих диадохов Кассандр собрал сильный флот и большую армию и уже в этом 319 г. мог угрожать Полиперхону. Соперничающие диадохи — полководцы Александра старались привлечь на свою сторону борющиеся партии в греческих городах. Так, одни из них (как Кассандр) поддерживали в Афинах олигархов, другие (как Полиперхон) — демократов. Поэтому поражение Кассандра неизбежно повлекло бы за собой падение олигархического правительства в Афинах.

[7] Далее, по-видимому, пропуск в рукописях.

[8] В рукописи следует вставка — рассуждение какого-то византийца: «Поражают меня такие люди. С чего бы это им сочинять такие слухи? Ведь они не только лгут, но лгут даже без всякой пользы. Бывало, у иных даже похищали плащи, когда они собирали вокруг себя толпу зевак в банях. Других же, когда под Портиком они одерживали немало побед, заочно осуждали в суде. Третьи в словесных штурмах брали даже города и пропускали свой обед. Очень жалкое, по правде сказать, занятие у этих людей. В каком бы портике и лавке, в какой бы части рынка они ни проводили весь день, всюду они выводят из терпенья своих слушателей. Так они досаждают им своими выдумками!».

IX. Бессовестность

Бессовестный (в подлиннике ἀναίσχυντος) — собственно, 'бесстыжий' (человек без стыда и совести). По Аристотелю (Rhet., II, 6, 1383 в, 16), «бесстыдство — это в некотором смысле презрение и равнодушие [к страданиям... по поводу зол, влекущих за собой бесчестие]» (иначе: пренебрежение доброй славой). У Феофраста бессовестность соединяется с корыстолюбием. Впоследствии бесстыдник стал типом наглого попрошайки (ср.: Theophrasts Charaktere. Leipzig, 1897, стр. 77). Основное его свойство — наглый цинизм.

[1] Здесь очевидный пропуск в рукописном тексте.

[2] Для того чтобы самому не угощать друзей жертвенным мясом, как это было принято после жертвоприношения.

[3] Тибий — обычное в Аттике имя рабов пафлагонского и фригийского происхождения. По афинскому обычаю, раб сопровождал господина при всех его выходах. Слова «говоря во всеуслышание» — намек на то, что бессовестный только напоказ угощает своего раба, в действительности же это угощение раб должен приносить домой.

[4] В афинском театре Диониса места для зрителей были высечены в скале с углублением для ног в расчете только на одного человека (так что двоим нельзя было уместиться на одном месте).

[5] Банщик (с помощником) обычно сам черпал горячую воду из котла для моющихся, чтобы ее хватило на всех. Банщик получал плату за услуги около 2 оболов (обол — мелкая монета около 4 коп. на наши деньги) (ср.: H. Blümner. Griech. Privataltert. Freiburg, 1882, стр. 212).

X. Крохоборство

[1] Среди трех характеров скупцов у Феофраста (характ. X, XXII, XXX) самый типичный — это мелочно скупой (крохобор). Этот характер вошел в античную и мировую литературу и стал литературным

типом начиная с аристофановского «Богатства» и комедий Менандра вплоть до мольеровского Гарпагона и гоголевского Плюшкина.

[2] Проценты в античной Греции взимались ежемесячно.

[3] Здесь идет речь о культовом союзе почитателей Артемиды, устраивавших на праздниках в честь этой богини угощение в складчину.

[4] На втором этаже двухэтажного греческого дома (где жили женщины) пол был обычно дощатый (τὰ καλύμματα). В первых же этажах полы были каменные.

[5] Такая мелочная скаредность является прямой противоположностью широкой щедрости (ἐλευθεριότης) какого-нибудь Кимона или Перикла (ср.: Plut. Cimon, X).

[6] Всякая трата денег для крохобора — горе. Поэтому он на рынке только прицепяется к товарам, но никогда ничего не покупает.

[7] Душица, или ориган (майоран), — душистое растение.

[8] Венки — молитвенные гирлянды из лавровых или масличных ветвей, иногда обвитых белой шерстью.

[9] Бедняки приносили в жертву богам лепешки из муки с медом.

[10] Крохобор старается ничего не тратить на одежду.

[11] Лекиф (см. характ. V, прим. 13) — здесь флакон для духов.

[12] Сукновалы не только изготовляли новый материал для одежды, но и подновляли и чистили старые плащи.

XI. Бесстыдство

[1] Схолиаст (древний комментатор) комедии Аристофана «Облака» (ст. 445) дает такое определение греч. слова βδελυρός (которое мы передаем как 'бесстыдник'): «...так называли развратного, вызывающего отвращение или низкого человека». Вместе с тем основной чертой этого характера являются «непристойные, шутовские выходки» (παιδιὰ ἐπονείδιστος). Бесстыдник намеренно ведет себя непристойно с целью подшутить и этим

отличается от неотесанного (характ. IV), нарушающего благопристойность неумышленно, бестактного (характ. XII) — по неловкости и несносного (характ. XX) — по бесцеремонности. Бесстыдник сам покупает съестное на рынке, как и скряга (характ. XXII), но делает это не из скупости, а назло знакомым; встречая знакомого на рынке, он нарочно окликает его и заговаривает с ним, чтобы сделать неприятность и привести в смущение перед другими: ведь людям стыдно даже показать свое знакомство с подобным человеком (ср.: Theophrasts Charaktere. Leipzig, 1897, стр. 92—93).

[2] Буквально: «когда рынок наполняется народом», т. е. между 9 и 12 часами утра.

XII. Бестактность

[1] Греч. ἀκαιρία, собственно, 'несвоевременность', 'неуместность'. В противоположность бесстыдному бестактный действует не по злому умыслу, но всегда невпопад и не вовремя.

[2] См. характ. VI, прим. 2.

XIII. Суетливость

[1] Суетливый обнаруживает «усердие не по разуму», бестактный же, наоборот, — от неуклюжей неловкости: он способен на медвежьи услуги; угодливый смешон, а несносный невыносим в своей наивности.

[2] Надпись на могильном памятнике слишком длинная и потому производит комическое впечатление (для свободной женщины достаточно упоминания имени ее отца или мужа). Кроме того, выражение «все это были люди добрые» может относиться только к покойникам (ср.: Theophrasts Charaktere. Leipzig, 1897, стр. 106).

[3] Эта оговорка подрывает доверие к его клятве, что также звучит комически.

XIV. Тупоумие

[1] Этот характер соединяет в себе черты тупоумия (4, 7, 8, 10, 13) с рассеянностью (2, 3, 6, 11). В под-

линнике ἀναισθησία 'бесчувственность', 'тупоумие', 'рассеянность', переносно 'отсутствие чуткости, такта'. По Аристотелю (EN, II, 7, 1107b, 4), правильная норма поведения по отношению к удовольствиям (ἡδοναί) и горестям (λῦπαι) — это скромность, воздержанность, умеренность (σωφροσύνη). Крайность в сторону превышения нормы — распущенность (ἀκολασία), а в сторону преуменьшения — ἀναισθησία. Классическим примером ученой рассеянности и слабоумия является император Клавдий, который, по рассказу Светония (Claud. 39), выйдя к обеду после убийства Мессалины, спросил: «Почему же госпожа не пришла?».

[2] Счетные камешки располагались на счетной доске (абака) — нечто вроде наших конторских счетов. На абаке были начерчены линии, отделявшие поля для цифровых единиц различного порядка. Такие абаки и счетные камешки сохранились до нашего времени.

[3] Непонятно, в чем тут тупоумие; приходится предположить пропуск в тексте.

[4] Далее пропуск: рукописный текст безнадежно испорчен.

[5] Ворота Могильных памятников (от ἠρίον 'курган', 'могильный памятник'), которые вели к кладбищу, находились в восточной части Афин.

XV. Грубость

[1] По Аристотелю (EN, III, 7, 1233b), грубость (αὐθάδεια) — качество, противостоящее, с одной стороны, угодливости (ἀρέσκεια), с другой — высокомерию (σεμνότης). Хотя, согласно определению, грубиян высказывает свою резкость (ἀπήνεια) только на словах, а не в действиях, однако в (9), (10) дело идет о поступках (а не словах). Поэтому некоторые издатели вставляют в определение: «... и в поступках».

[2] Грубиян выставляет себя хуже, чем он есть на самом деле. Эта черта его характера ясно выступает в (7). Особый случай грубости — это неуместное недовольство ворчуна (брюзги) (см. характ. XVII).

[3] В обществе грубиян невыносим: он не желает принимать участия ни в каких развлечениях.

[4] Текст в конце, видимо, сокращен.

XVI. Суеверие

[1] Греческий термин δεισιδαιμονία (который мы передаем как 'суеверие') означает, собственно, 'богобоязнь', т. е. страх перед божеством (δαίμων), если оно вторгается в человеческую жизнь (ср.: Arist. Polit., 1314b, 38 сл.). Суеверный (δεισιδαίμων) почитает божественную силу (демонов) не «разумно», но из страха перед ними, прибегая при этом к недостойным разумного человека действиям. Благоговейный страх перед божеством часто вырождается от людской глупости в преувеличенное соблюдение ритуальных предписаний, очистительных и отвращающих злых демонов действий. Столкнувшись с римлянами, греки ощущали римскую религию как нелепое суеверие (ср.: Polyb. Hist., VI, 56). Грекам казалась странной и нелепой важность, придаваемая римлянами точному выполнению всяческих культовых действий, приметам, знамениям, предзнаменованиям. В свою очередь самим римлянам впоследствии представлялись нелепым суеверием иудейские обряды, соблюдение субботы, обрезание и другие мелочные ритуальные предписания. Для суеверного прежде всего характерно то, что он страшится демонов. Богов же, например Афину, он не боится (8), но призывает на помощь против злых демонов. Все действия суеверного имеют целью либо «очищение», либо «отвращение» зла (катартические и апотропеические действия).

[2] Текст испорчен. Принимаем чтение Л. Дейбнера и О. Наварра: ἐπὶ Χοῶν ('в день праздника Кувшинов'). Праздник Кувшинов (или кружек) — второй, самый важный день весеннего праздника Анфестерий — справлялся в 12-й день месяца анфестериона (февраль—март) и был посвящен хтоническим демонам (подземным силам) и поминовению усопших. День этот считался несчастливым и «тяжелым» для всяких начинаний (μιαρὰ ἡμέρα). Впоследствии в этот день происходили

состязания в питье молодого вина, причем каждый участник праздника имел свою кружку (вместимостью около 3 л). От этих кружек (кувшинов) и получил свое название второй день праздника. Несмотря на веселые попойки, суеверные люди считали этот день несчастным.

[3] Омовение рук и окропление себя «святой» водой — очистительные (катартические) действия для «очищения» от «скверны» при соприкосновении с покойником. Ритуальные «очищения», по верованию древних, были необходимы: 1) перед началом культового действия; 2) после соприкосновения с «нечистыми» явлениями (рождение и смерть), «нечистыми» предметами, животными или после произнесения «нечистых» слов; 3) после совершения какого-нибудь преступления или святотатства. Средствами очищения служили огонь, вода (особенно морская), кровь жертвенного животного. Земля и растения (лавр, мирт, чеснок, морской лук, чемерица, фиги и др.) также оказывали «очистительное» действие: они поглощали «скверну».

[4] Кроме «очистительной» силы, по верованию древних, лавр играл еще роль «оберега», т. е. обладал способностью отвращать злых демонов, приносящих людям беду и несчастье.

[5] Ласку в древности держали в доме вместо домашней кошки, которая была завезена в Грецию лишь в эллинистическое время из Египта (ср.: H. Blümner. Griech. Privataltert. Freiburg, 1882, стр. 118, прим. 1—2). Если кошка перебежит дорогу, суеверные люди и в новое время считали это дурной приметой.

[6] Против «дурного», колдовского действия ласки суеверный тотчас же принимает свои магические контрмеры: он ждет, пока кто-нибудь другой не перейдет дороги и тем «снимет» колдовские чары, или же сам уничтожает их магическим действием перекидывания через дорогу трех камешков (священное число).

[7] Суеверный (так же как и поздно взявшийся за учение, характ. XXVII) принадлежит к числу мистов (посвященных в таинства) Сабазия. Сабазий — фригийско-фракийское божество (отождествленное впоследствии с Дионисом-Загреем или даже с Зевсом). Культ

Сабазия проник в Аттику в V в. до н. э. Частные общества поклонников Сабазия в IV в. были уже широко распространены в Афинах, как показывает знаменитая речь Демосфена «О венце». В культе Сабазия большую роль играли «очищения» и змея, в образе которой почитали самого бога. Парей — красновато-коричневого цвета неядовитая змея, посвященная Асклепию (см.: M. P. Nilsson. Griech. Relig., II. München, 1955, стр. 634).

[8] Священная змея была, по-видимому, опасной (ср.: Arist. HA, VIII, 29, 607a, 30 сл.). Чтобы умилостивить змею — воплощение героя, суеверный посвящает часовню герою.

[9] Камни на перекрестках — остатки древнего культа фетишей.

[10] По-видимому, здесь речь идет о толкователе снов и знамений, члене государственной коллегии толкователей таинств и ритуальных обычаев. Этого важного государственного чиновника (принадлежавшего к старинному роду Евмолпидов) и беспокоит суеверный своими пустяками.

[11] Геката — первоначально древнее карийское божество. С V в. до н. э. Геката становится богиней призраков, ночных кошмаров, волшебства и заклинаний. В эпоху Феофраста Геката — властительница ведьм, фантастический ночной злой демон, наводивший чары на людей.

[12] Крик совы — дурное предзнаменование, а полет этой птицы, напротив, предвещал счастье. Суеверный призывает Афину как спасительницу от наваждений Гекаты.

[13] Роженица считалась «нечистой» до 40-го дня после родов (ср.: E. Rohde. Psyche.[4] Leipzig, 1907, II, стр. 72, прим. 1). Суеверный опасается, что «скверна» (μίασμα) перейдет на него от покойника или роженицы.

[14] Эти дни считались несчастливыми (μιαραὶ ἡμέραι). Четвертый день месяца был посвящен Афродите и Гермесу. Миртовые ветви, ладан, жертвенные лепешки — средства умилостивления разгневанных богов и демонов.

[15] Под Гермафродитами имеется в виду, по-видимому, герма — четырехгранная колонка с головой Афро-

дита (ср.: W. H. Roscher. Mythol. Lex., s. v. Hermaphroditos, стб. 2315). Афродит — сын Гермеса и Афродиты — кипрское двуполое божество, культ которого появился в Афинах в V в. до н. э. По другим объяснениям, эти гермы, быть может, изображали мать и отца хозяина дома (ср.: Theophrasts Charaktere. Leipzig, 1897, стр. 129).

[16] Имеется в виду зловещий сон, после которого полагались очищения, жертвоприношение и молитвы (ср.: Aristoph. Ran., 1340).

[17] Под таинствами (или мистериями), по-видимому, надо подразумевать здесь таинства Сабазия (см. выше, прим. 7).

[18] В начале каждого месяца полагалось производить новые «очищения».

[19] Орфеотелесты — бродячие жрецы, последователи секты мифического Орфея. Они объявляли верующим изречения оракулов о загробной участи человеческой души, продавали книги мифических пророков Дионисовой религии Орфея и Мусея, предлагали посвящение в орфические таинства, обещая за это загробное блаженство (ср.: E. Rohde. Psyche.[4] Leipzig, 1907, II, стр. 110 сл.).

[20] Умопомешательство суеверный приписывает «наваждению» духа убитого человека (ἀλάστωρ). Плевание также отвращало злого духа.

XVII. Ворчливость

[1] Греческий термин μεμψιμοιρία означает недовольство своей участью.

[2] Относительно обычая посылать приятелям домой «гостинцы» после званой пирушки см. характ. XV (5).

[3] По афинским законам истец или ответчик на суде должен был сам выступать с речью. Обычно составление речи поручалось опытному юристу, составителю речей (так называемому логографу).

[4] Беспроцентный заем, так называемый ἔρανος.

XVIII. Недоверчивость

[1] В спальне у греков обычно стоял запирающийся сундук с деньгами и драгоценностями (ср.: Lys, 12, 10 сл.). Шкаф с серебряной посудой — в рукописях κυλιούχιον, слово помимо этого места не встречающееся. Для объяснения этого слова предложены различные поправки, но общий смысл не вызывает сомнений.

[2] Греки обычно спали без одежды (так, в «Одиссее», I, 437, Телемах перед отходом ко сну снимает хитон).

XIX. Нечистоплотность

[1] *Lepra graecorum* — болезнь, распространенная в древности по всему Средиземноморью. Ее следует отличать от *Lepra arabum*, т. е. *elephantiasis*. Лепра и лишай (ἀλφός), упомянутый наряду с лепрой, а также черные ногти рассматриваются здесь как болезни, возникающие вследствие неопрятности. Такое же представление о болезненных последствиях неопрятности отражено в медицинском сочинении Цельса (V, 28, 19).

[2] Повреждения (раны и нарывы) в местах, пораженных лепрой, нечувствительны, и больной их запускает, так что они переходят в язвы (нарывы). Ушибы (προσπταίσματα) — ранения на пальцах рук и ног.

[3] Текст испорчен. Рукописное чтение: σφύζεσθαι 'биться' (о пульсе), 'терзаться, сильно страдать' — не дает удовлетворительного смысла. Дальнейший текст (до конца) явно не принадлежит этому характеру.

XX. Назойливость

[1] Этот характер объединяет различные черты других характеров. Назойливый — это бестактный невежа и грубый эгоист, поступки которого коренятся в грубости его душевного склада. Он совершенно не считается с другими людьми, ему безразлично, беспокоит ли он кого-нибудь,

[2] Сцена разыгрывается на пирушке, куда приглашен назойливый. Совершенно не обращая внимания на любезное угощение хозяина и на гостей, он начинает хвастаться своим домом, огородом и т. д.

[3] Прихлебатели (параситы) играли роль шутов на званых обедах у богачей (см. характ. II), забавляя гостей смешными выходками. Не довольствуясь этим, назойливый бесцеремонно предлагает гостям и более вольные развлечения.

XXI. Тщеславие

[1] Греч. μικροφιλότιμος, собственно, 'мелко тщеславный'. Этот ограниченный, напыщенный человек смешон потому, что стремится во что бы то ни стало возвыситься над своим ничтожеством.

[2] Т. е. самое почетное место.

[3] Стрижка волос у юношей и посвящение их Аполлону в Дельфах при переходе к возмужалости — древний обряд «инициации» — в эпоху Феофраста уже вышел из употребления. В один из дней праздника Апатурий (см. характ. III, прим. 6) приносили «жертву пострижения» и юноши вступали в «братство» (φρατρία). День этот назывался «праздником пострижения» (κουρεῶτις) и был посвящен Аполлону «Отцовскому» (аттические знатные роды считали своим предком Аполлона). Тем более почетным считалось принести в дар свои волосы самому Аполлону в его храме в Дельфах (ср.: U. v. Wilamovitz-Moellendorff. Griech. Lesebuch, II. Erläuterungen. 2. Hlb. Berlin, 1902, стр. 190).

[4] Т. е. негр.

[5] Галку и ворона в древности держали как домашних птиц в клетках. Птичка с таким щитом на крыле изображена на одном аттическом (краснофигурном) глиняном кувшине (ср.: Theophrasts Charaktere. Leipzig, 1897, стр. 168).

[6] Мелитская комнатная собачка вроде нашей бо-

лонки. Эта порода собак когда-то была вывезена с о. Мелиты (современная Мальта). Могильные плиты с именами собак и лошадей сохранились до нашего времени.

[7] Асклепий — первоначально герой (искусный врач в греческом стане под Троей), а потом бог. В Афинах культ Асклепия был очень распространен и существовал даже особый праздник в его честь (Асклепии). Знаменитый храм Асклепия находился в Эпидавре (в Арголиде) — главный центр культа Асклепия.

[8] В благодарность за исцеление приносили по обету в храм Асклепия посвятительные дары из золота и серебра. Тщеславный приносит в дар богу медный палец да еще украшает этот незначительный предмет цветами, что производит комическое впечатление.

[9] Пританы — члены коллегии из 50 человек, исполнительный комитет афинской республики, управлявший делами совета пятисот и народного собрания. Пританы выбирались по 5 человек от каждой афинской филы, которая в течение $^1/_{10}$ года председательствовала в совете и в народном собрании. Они заседали в здании совета, примыкавшем к храму Великой Матери. Здесь речь идет о чисто формальной церемонии объявления пританами народному собранию исхода жертвоприношения. Тщеславный придает этой обыденной, незначительной церемонии исключительно важное значение.

[10] Великая Матерь или Матерь богов (вероятно, Деметра) впоследствии отождествлялась с малоазийской Кибелой. В честь этой богини справлялся особый праздник — Галаксии, по-видимому, в месяце элафеболионе (март—апрель). В этот день полагалось есть ритуальное кушанье — кашу из ячменной муки на молоке, которая называлась γαλαξία, откуда и название праздника (см.: L. Deubner. Attische Feste. Berlin, 1966, стр. 216).

XXII. Скаредность

[1] Греч. ἀνελευθερία 'неблагородство', т. е. отсутствие качеств, присущих ἐλεύθερος 'свободному, щедрому,

благородному человеку'. Аристотель (ММ, I, 25, 1192a, 8) различает несколько видов скупости: 1) патологическая скупость (κιμβικία) или скаредность, когда скряга разрезает пополам даже зерно тмина (ср. гоголевского Плюшкина); 2) мелочная скупость (крохоборство, μικρολογία, см. характ. X) и 3) жадность (αἰσχροκερδία, см. характ. XXX). В другом месте (Virt. et vit., VII, 1251b, 4) Аристотель упоминает такие три рода скупости: 1) алчность (αἰσχροκερδία), 2) скупость (φειδωλία) и 3) жадность (κιμβεία).

[2] Текст определения этого характера испорчен, но смысл ясен. Скряга старается уклониться от всех общественных обязанностей, связанных с расходами, или, по крайней мере, как можно дешевле отделаться от них.

[3] По обычаю хорег — гражданин, который обучал на свой счет трагический и комический хоры и нес расходы по постановке пьесы — после победы на состязании считался победителем и посвящал Дионису каменную доску с надписью (ср. Plut. Themist., 5). Вместо дорогой каменной доски скряга посвящает Дионису деревянную диадему, на которой пишет свое имя. Почетную должность хорега (хорегия) могли, разумеется, исполнять только лица состоятельные. Отсюда можно заключить, что скряга был человеком богатым. Хорегия была одной из самых тяжелых повинностей (литургий) в Афинах, от которых разорялись состоятельные граждане.

[4] В эпоху Феофраста афинскому народному собранию для покрытия чрезвычайных расходов часто приходилось выносить решения о так называемых добровольных взносах или пожертвованиях «для спасения города». Взносы эти принимались не только деньгами, но и натуральными продуктами; кто не имел ни того, ни другого, должен был бесплатно выполнять физические работы.

[5] Перед свадьбой отец невесты по обычаю приносил на свой счет жертвенное животное в жертву Гере (богине покровительнице брака). Затем он устраивал свадебную пирушку для родственников и друзей и при этом нес немалые расходы.

[6] Триерархией называлась в Афинах особая повинность по снаряжению на свой счет военных кораблей (триер) для государства. Лицу, снарядившему корабль (триерарху), полагалась каюта, где находились его собственные вещи, но скряга предпочитает спать на верхней палубе, так как там можно пользоваться постелью кормчего.

[7] На празднике Муз (Μουσεῖα) происходило нечто вроде публичного акта или экзамена школьников (ср.: L. Deubner. Attische Feste. Berlin, 1966, стр. 217).

[8] Здесь под «складчиной», вероятно, разумеются не праздничные подарки учителям, а взносы, собранные родителями (конечно, продуктами) на угощение самих детей на празднике.

[9] Съестное с рынка скряга несет сам, чтобы не нанимать носильщиков, предлагавших покупателям свои услуги.

[10] За неимением другого плаща.

XXIII. Бахвальство

[1] Бахвал — человек, приписывающий себе несуществующие достоинства (Arist. MM, I, 1193a). По Аристотелю (EN, IV, 13, 1127), есть два рода хвастунов-бахвалов: тщеславные и корыстолюбивые. Подобно иронику бахвал все время притворяется, всегда играет какую-то роль. Феофрастов бахвал никогда не выдумывает небылиц из корысти. Он хвастается только перед иностранцами либо перед совершенно незнакомыми людьми (например, случайными спутниками), которые не могут проверить его выдумки. Обычно он разыгрывает роль богача, человека с большими связями в «высоких сферах», рассказывая своим собеседникам сами по себе вполне правдоподобные истории, но по отношению к нему совершенно невероятные. В общем этот бахвал — пустой и безобидный враль, сочиняющий небылицы только из тщеславия, причем темы его рассказов искусно меняются соответственно месту действия и характеру слушателей. Так, в гавани, беседуя с иноземными купцами, он, например, рассказывает о своих

мнимых торговых операциях, а на улицах, в дороге, на рынке и других местах угощает собеседников каждый раз все новыми сказками.

[2] Т. е. находясь в гавани.

[3] В подлиннике πλεθρίζων, собственно, 'отмеряя плетры' (сажени), в переносном смысле — бахвалясь без меры.

[4] Состоятельные афиняне обычно хранили свои деньги в банках у менял (τραπεζῖται). Иметь свой текущий счет в банке считалось признаком принадлежности к «порядочному» обществу.

[5] Т. е. Александром Македонским.

[6] Антипатр — полководец Филиппа и Александра Македонского. По смерти Александра Антипатр стал правителем Македонии.

[7] Македония славилась своим корабельным лесом (ср.: Theophr. HP, V, 2). Экспортные пошлины на лес составляли монополию царской казны Македонии. Беспошлинный вывоз леса в виде особой царской милости иногда разрешался частным лицам. Бахвал выставляет себя другом всесильного правителя Македонии и фактического вершителя судеб Афин. Опираясь на македонский гарнизон, стоявший в Мунихии (важный стратегический пункт) недалеко от Афин, Антипатр мог во всякое время оказать помощь правящей в Афинах промакедонской партии олигархов.

[8] Голодные годы в Греции — это 330—326 гг. до н. э., еще до смерти Александра (ср.: U. v. Wilamowitz-Moellendorff. Griech. Lesebuch, II. Erläuterungen. 2. Hlb. Berlin, 1902, стр. 191).

[9] Бахвал идет в одну из крытых галерей (портиков), где обычно собирались бездельники.

[10] Это означает, что счетным камешкам придается в зависимости от их положения на счетной доске условное значение 100 драхм (=1 мине), 600 драхм (=0.1 таланта) и 6000 драхм (=1 таланту).

[11] Принимаем чтение κδ' — цифровое обозначение 24.

[12] На афинском рынке в разных рядах (частях) торговали различными товарами. Ряды эти назывались по тем товарам, которыми в них торговали (например, винный, масляный, горшечный, конский и другие ряды;

ср. у нас в старое время — охотный ряд, обжорный ряд, суровская, перинная линия и т. д.). Рабочую лошадь в эпоху Феофраста можно было купить за 3 мины (около 75 руб. золотом), верховую лошадь — за 12 мин. Цена же отличного скакуна вроде знаменитого Буцефала Александра Македонского доходила до баснословной суммы в 13 талантов (ср.: Theophrasts Charaktere. Leipzig, 1897, стр. 198).

[13] Греч. ἐπὶ τὰς κλίνας — дощатые прилавки, на которых выставлялись товары для обозрения покупателей.

[14] Одежда из дорогого привозного (восточного) материала стоила очень дорого, например в эпоху Сократа (конец V в. до н.э.) плащ стоил 3 мины. После походов Александра Македонского потоки золота, награбленного македонянами в Персии, хлынули в Грецию, и курс денег сильно упал. Бахвал набирает одежды на огромную сумму в 2 таланта, но денег у него нет.

[15] До походов Александра в Греции ходили лишь серебряные монеты. Золото появилось только в эпоху Феофраста. Бахвал хвастается тем, что у него есть золото, полученное, очевидно, от македонян из персидской добычи.

XXIV. Высокомерие

[1] После обеда древние греки обычно прогуливались в прохладном месте (ср.: Plut. Thes., 25, 8).

[2] Ср. поведение бессовестного (характ. IX (4)), который напоминает мяснику об оказанной ему когда-то услуге.

[3] Этим высокомерный хочет выразить свое пренебрежение: он поручает все расчеты рабу, не заботясь о том, правильно ли тот их произведет.

XXV. Трусость

[1] Трусость (δειλία), по Аристотелю (EN, III, 10, 1115b, 17), и безмерная отвага (θρασύτης) — две крайности; правильная середина между ними — мужество

(ἀνδρεία). Трус показан Феофрастом в различных ситуациях: на море (2), на поле битвы, перед сражением (3 сл.), после битвы (6).

[2] В подлиннике ἡμιολίαι 'легкие быстроходные корабли с полуторным рядом гребцов' (преимущественно пиратские).

[3] Здесь имеются в виду самофракийские мистерии — таинства, справлявшиеся на о. Самофракии (у фракийского побережья Эгейского моря). Посвященные в эти мистерии находились под покровительством «великих богов» (Кабиров — божеств восточного или догреческого происхождения) — «спасителей» мореходов во время бури на море. В чем состояли мистерии (в которые посвящались даже женщины и дети), нам неизвестно. Особенно популярны сделались эти мистерии как раз в эпоху Феофраста, когда вошло в обычай принимать посвящение перед морским путешествием, чтобы поставить себя под защиту богов-«спасителей» (ср.: M. P. Nilsson. Griech. Relig., II. München, 1950, стр. 96). Трусливый боится, как бы из-за одного непосвященного в мистерии не погибли все остальные пассажиры корабля.

[4] Кормчий (капитан) обычно сидел выше гребцов и пассажиров, чтобы обозревать путь корабля.

[5] Очевидно, чтобы удобнее было спасаться вплавь в случае кораблекрушения. Обычно плавание происходило вдоль берегов, причем кормчий старался не терять берег из вида.

XXVI. Приверженность к олигархии

[1] Конец IV в. до н. э. — время ожесточенной борьбы между демократами и олигархами (которую македоняне старались поддержать). Ситуация, изображенная в этом характере, больше всего подходит ко времени восстановления демократии Полиперхоном (см. характ. VIII, прим. 5). За несколько лет до выхода в свет «Характеров» Феофраста после Ламийской войны (323—322 г.) Антипатр уничтожил демократию в Афинах и установил олигархическую конституцию,

причем больше половины граждан было исключено из народного собрания и суда присяжных (гелиэи). Множество демократов (противников македонян) было изгнано или добровольно эмигрировало. После смерти Антипатра Полиперхон восстановил демократию и вернул изгнанников (ср.: H. Swoboda. Griech. Geschichte. Leipzig, 1911, стр. 168). Автор не высказывает своих политических симпатий, хотя, как ученик Аристотеля и друг Деметрия Фалерского, должен был бы сочувствовать умеренной олигархии.

[2] В народном собрании идут выборы комитета из 10 человек в помощь архонту для проведения праздника Великих Дионисий (см. характ. III, прим. 3). В V в. этот комитет всегда состоял из богатых граждан, которые покрывали праздничные расходы из своих средств. В эпоху Феофраста комитет выбирали по жребию, а расходы по устройству праздника выдавались из казны (ср.: Arist. Resp. Athen., 56).

[3] Требование приверженца олигархии облечь неограниченной властью распорядителей различных процессий и состязаний имеет карикатурный характер. Неограниченную власть представляли комитету 10 человек только в исключительно важных случаях, например для окончания войны и заключения мира (ср.: Arist. Resp. Athen., 38).

[4] Слова Одиссея (Il., II, 204).

[5] Центром политической жизни демократических Афин была рыночная площадь, место народных собраний. Приверженец олигархии страстно ненавидит рынок и его завсегдатаев (так называемую рыночную чернь — ὄχλος), но особенно ненавистны ему вернувшиеся из изгнания демократы, которые начали сводить с олигархами личные счеты.

[6] В это время улицы Афин и рынок пустели. Простой народ отдыхал после обеда.

[7] Как на известной статуе так называемого Софокла Латеранского.

[8] Сикофанты — профессиональные доносчики, клеветники и шантажисты, возбуждавшие из корыстных побуждений судебные процессы, главным образом против состоятельных людей.

[9] Общественные повинности (литургии), которые в Афинах должны были нести все граждане с имущественным цензом, служили орудием классовой борьбы городской бедноты с имущими группами рабовладельцев.

[10] Фесей, сын Эгея — мифический царь афинский. Ему приписывали целый ряд позднейших установлений, как например так называемый синойкисм (объединение 12 городов Аттики в один город-государство), разделение граждан на три имущественных класса, введение некоторых религиозных обрядов и т. п. Фесей будто бы даже установил в Афинах демократию и сам первым подвергся изгнанию (остракизму). По другим источникам, Фесей добровольно покинул город (ср.: Plut. Thes., 35). Приверженец олигархии считает Фесея первой жертвой «черни» и ее вождей-демагогов.

XXVII. Опсиматия

[1] Слово ὀψιμαθία, буквально 'поздняя любознательность', получило в греческом языке своеобразное семантическое развитие. Оно стало означать вообще поведение, не подобающее позднему возрасту, обусловленное не какими-либо умственными интересами, а только желанием старика молодиться.

[2] Бег юношей с факелами (светильниками) происходил первоначально на празднике древнего аттического бога огня — Прометея (которого впоследствии чтили как героя), а затем на Панафинейском празднике и празднике в честь Гефеста. Цель состязания в беге — как можно скорее донести новый священный огонь с алтаря Прометея (или Гефеста) в назначенное место (например, на празднике Панафиней — к жертвеннику Афины) (ср.: L. Deubner. Attische Feste. Berlin, 1966, стр. 211). Праздник героев — праздник в честь героев Прометея, Эанта и др.

[3] Старик, подстать юношам, старается показать мощь своих мускулов.

[4] См. характ. V, прим. 17.

[5] Имеются в виду представления фокусников, жонглеров, исполнителей популярных песенок.
[6] См. характ. XVI, прим. 7.
[7] Декадисты — члены культового общества (клуба), которые собирались каждое десятое число месяца (декаду).
[8] Неизвестная игра. Быть может, текст испорчен.
[9] Имеются в виду сакральные пляски.

XXVIII. Злоязычие

[1] Злоязычный строит свои клеветнические инсинуации по известной риторической схеме: сначала он чернит родителей своей жертвы, а потом переходит к порокам самого этого человека.
[2] Сосий — распространенное рабское имя, по форме уменьшительное. Злоязычный таким образом ясно намекает, что отец характеризуемого вышел из рабов.
[3] Сосистрат — буквально 'спаситель войска', имя уже свободного человека, который служил, очевидно, наемником в афинском войске, а потом получил афинское гражданство.
[4] Сосидем — буквально 'спаситель народа'. Демоты — члены одного дема (округа, части аттической филы). Зачисление в списки демотов и являлось формальным утверждением в правах гражданина.
[5] Имя с прозрачной этимологией: κρίνον 'лилия' и κόραξ 'ворон'. Это странное сочетание производит комическое впечатление. Сами по себе названия животных и растений в качестве женских имен характеризуют принадлежность их носителей к низшим общественным слоям.
[6] В тексте явный пропуск: отсутствует вопрос, мотивирующий следующую реплику злоязычного.
[7] Параллели к этому выражению у Аристофана («Мир», 850; «Лисистрата», 229; «Экклесиазусы», 295).
[8] В подлиннике ὑπακούουσι, собственно, 'прислушиваются' — говорится о привратниках.
[9] Выражение со смыслом 'очень много денег'.

[10] Т. е. в зимние холода (декабрь—январь).

[11] Далее в рукописях следует морализующий эпилог византийского автора: «До такой степени непреодолимое стремление злословить делает людей безумными и приводит их в исступление».

XXIX. Подлолюбие

[1] Некоторые исследователи высказывали мнение, что этот Феофрастов подлолюбец — сторонник крайней демократии, господства «черни» (охлократии) — характер противоположный приверженцу олигархии (характ. XXVI) (ср.: Theophrasts Charaktere. Leipzig, 1897, стр. 254).

[2] Имеются в виду лица, выдвинувшие против кого-либо обвинение в суде. Если это обвинение не собрало пятой части голосов судей, то по афинским законам такие обвинители подвергались штрафу и частичному лишению гражданских прав (так называемой атимии) (ср.: Théophraste. Caractères. Traduct. par O. Navarre. Paris, 1920, стр. 67, прим. 2).

[3] Горделивое самонаименование профессиональных доносчиков (сикофантов), противопоставлявших себя таким образом «врагам народа» (ср.: Demosth. c. Aristog., I, 40).

[4] В подлиннике προστατῆσαι 'быть покровителем, защитником, патроном'. Все иностранцы, постоянно проживавшие в Афинах (так называемые метэки), должны были иметь какого-нибудь афинского гражданина официальным покровителем (патроном — προστάτης).

[5] В рукописях далее следует морализирующий эпилог какого-то византийца: «Вообще подлолюбие — это сестра подлости. И правильно гласит пословица: подобное стремится к подобному».

XXX. Подлокорыстие

Феофрастовы характеры скупцов (IX, X, XXII, XXX) можно разделить на две группы: 1) крохоборство (μικρολογία) и скаредность (ἀνελευθερία), проявляю-

щиеся в манере что-нибудь давать другому, и 2) бессовестность (ἀναισχυντία) и подлокорыстие (αἰσχροκέρδεια) — в манере приобретать (стяжательство). Скаредный боится любой траты денег, а крохобор опасается, как бы чего-нибудь не потерять. Подлокорыстный и бессовестный для достижения своих корыстных целей не разбирают средств. Бессовестный с корыстолюбием соединяет еще и пренебрежительное отношение к людям (ср.: Theophrasts Charaktere. Leipzig, 1897, стр. 262).

[1] Согласно Аристотелю, жадные, постыдно алчные люди принимают на себя всяческий позор ради мелкой корысти (Arist. EN, IV, 1122a, 2), они ищут корысти повсюду и любой ценой (Arist. Virt. et vit., 1251b, 5).

[2] В IV в. театральное здание в Афинах сдавалось в аренду (на откуп) съемщикам (θεατρῶναι), которые обязаны были содержать его в порядке, за что и взимали в свою пользу входную плату (по 2 обола с человека; ср.: В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, II. СПб., 1899, стр. 301).

[3] Послы получали в то время подорожные деньги (ἐφόδια) по $1^1/_2$ драхмы в день.

[4] Эти подарки (ξένια) послы получали регулярно (во все время своего пребывания за границей), даже если они останавливались у своих «гостеприимцев», где им предоставляли помещение и бесплатное питание, как гостям.

[5] «Гермесовы дары — случайная находка — принадлежат всем» (пословица, ср.: Hesych., s. v. κοινὸς Ἑρμῆς). Гермес считался богом-покровителем изобретателей и открывателей. Само имя бога «Гермес» стало связываться с представлением об удаче, счастливой находке. Так, по Гесихию, слова εὐερμία и δυσερμία имели значение: 'удача' и 'неудача' (ср.: W. H. Roscher. Mythol. Lex., s. v. Hermes, стб. 2381).

[6] «Фидонова мерка», т. е. скудная мерка, — игра слов, с намеком, во-первых, на Фидоновы меры веса, введенные в Аргосе (ок. 650 г. до н. э.) царем Фидоном (ср. Strab., VIII, p. 358); во-вторых, — на глагол φείδεσθαι 'быть бережливым, скупым'.

[7] В месяце анфестерионе (февраль—март) у афинян было действительно много праздников: 1) Анфестерии —

праздник в честь Диониса (с театральными представлениями); 2) Диасии в честь Зевса Милостивого и 3) так называемые Малые элевсинские мистерии.

[8] Рабов, знавших какое-нибудь ремесло, афиняне держали на оброке (ἀποφορά) и заставляли отдавать часть заработанных денег хозяину.

[9] Текст испорчен. Чтение предположительное.

[10] Земляки — члены одной фратрии (фраторы), первоначально родового союза нескольких семейств, объединившихся для совместного отправления религиозного культа.

АТТИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Греческий год делился на 12 лунных месяцев по 30 и по 29 дней (попеременно). Началом года в Афинах считалось первое новолуние после летнего солнцестояния. Поэтому первый месяц аттического года соответствовал приблизительно II половине июля—I половине августа.

Месяцы аттического календаря следовали в таком порядке:

1) гекатомбеон (июль—август),
2) метагейтнион (август—сентябрь),
3) боэдромион (сентябрь—октябрь),
4) пианепсион (октябрь—ноябрь),
5) маймактерион (ноябрь—декабрь),
6) посидеон (декабрь—январь),
7) гамелион (январь—февраль),
8) анфестерион (февраль—март),
9) элафеболион (март—апрель),
10) мунихион (апрель—май),
11) фаргелион (май—июнь),
12) скирофорион (июнь—июль).

МЕРЫ ВЕСА И ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Талант	26 . 196 г.
Драхма	4 . 36 г.
Мина	436 . 6 г.
Обол	0 . 727 г.
Халк	0 . 09 г.

Золото ценилось в 10—13 раз дороже серебра.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Arist. EE — [Aristotelis] Eudemia sive Eudemi Rhodii Ethica.
Arist. HA — Aristotelis Historia Animalium.
Arist. MM — Aristotelis Magna Moralia.
Arist. EN — Aristotelis Ethica Nicomachea.
Arist. Physiogn. — [Aristotelis] Physiognomica.
Arist. Poet. — Aristotelis Poetica.
Arist. Pol. — Aristotelis Politica.
Arist. Resp. Athen. — Aristotelis de Republica Atheniensium.
Arist. Rhet. — Aristotelis Rhetorica.
Arist. virt. et vit. — [Aristotelis] de virtutibus et vitiis.
Aristoph. Av. — Aristophanis Aves.
Aristoph. Eccl. — Aristophanis Ecclesiazusae.
Aristoph. Pax — Aristophanis Pax.
Aristoph. Ran. — Aristophanis Ranae.
Artemis — Artemis Lexikon der Antike.
Athen. — Athenaei Convivium sophistorum.
CAH — Cambridge Ancient History.
Cicer. de orat. — Ciceronis de oratore.
Cicer. ad Att. — Ciceronis epistulae ad Atticum.
Demosth. or. — Demosthenis Orationes.
Demosth. c. Aristog. — Demosthenis contra Aristogitonem.
Diog. Laert. — Diogenis Laertii Vitae philosophorum.
A. Gellius NA — A. Gellii Noctes Atticae.
Hes. Op. et Dies — Hesiodi Opera et Dies.
Hesych. — Hesychii Alexandrini Lexicon.
Lexik. d. Antike — dtv Lexikon der Antike.

Lys. — Lysiae Orationes.
Plat. Resp. — Platonis de Republica.
Plat. Symp. — Platonia Symposium.
Plut. Cim. — Plutarchi vita Cimonis.
Plut. Nic. — Plutarchi vita Niciae.
Plut. adv. Colot. — Plutarchi adversus Colotem.
Plut. Pericl. — Plutarchi vita Periclis.
Plut. Themist. — Plutarchi vita Themistoclis.
Plut. Thes. — Plutarchi vita Thesei.
Polyb. Hist. — Polybii Historia.
RE — Pauly — Wissowa — Kroll — Cichorius. Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft.
Strab. — Strabonis Geographia.
Suet. Claud. — Suetonii divus Claudius.
Suda — Sudae Lexicon, ed. A. Adler.
Theophr. HP — Theophrasti Historia Plantarum.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ХАРАКТЕРЫ

Стр.

Приложения

ФЕОФРАСТ

ХАРАКТЕРЫ

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректор *Э. В. Коваленко*

Сдано в набор 18/XII 1973 г.
Подписано к печати 14/X 1974 г.
Формат бумаги 70×90$^1/_{32}$. Бумага № 2.
Печ. л. 3$^7/_8$ = 6.51 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 4.68.
Изд. № 5757. Тип. зак. № 809. М-21934.
Тираж 50 000. *Цена 45 коп.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ